

ПАК СОЁН

한류
히트

СНЕЖНЫЙ ШАР

18+

Хиты корейской волны

Пак Соён

Снежный шар

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

Соён П.

Снежный шар / П. Соён — «Издательство АСТ», 2020 — (Хиты корейской волны)

ISBN 978-5-17-137960-5

В мире вечной зимы город Сноубол — единственное место, не скованное льдом. Он накрыт огромным стеклянным куполом, позволяющим настраивать внутри любую температуру. Любой житель внешнего мира мечтает попасть в последний теплый уголок на Земле, но цена жизни внутри снежного шара — участие в постоянном реалити-шоу, ведь все горожане — актеры и каждый жест, каждый вздох записывается на камеру. Чон Чобам — обычная девушка, которая трудится на электростанции во внешнем мире. Она мечтает стать режиссером в Сноуболе и снимать популярный сериал. Однажды в ее жизнь врывается Ча Соль — самый знаменитый режиссер и кумир Чобам. Девушке предлагают занять место невероятно популярной актрисы Ко Хэри, ведь они с ней похожи как две капли воды. Вытянув золотой билет до Сноубола, Чобам отправляется навстречу своей мечте, но будет ли все как в сказке, которую транслируют многочисленные экраны замерзшего мира?

УДК 821.531-31

ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-137960-5

© Соён П., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Главные герои	6
Первая часть	10
Мир Сноубола	11
Горячее дыхание двух сотен человек	15
Странное происшествие и загадочный гость	19
Кое-что похуже девяти убийств	25
Дело, которое по силам только мне	28
Обезболивающее и успокоительное	32
Немыслимое происшествие	36
Вторая часть	40
Мир, о котором можно только мечтать	41
«Ли Бон Медиа Групп»	46
Я в зеркале	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Соён Пак

Снежный шар

© 2020 by Soyoung Park.

First published in Korean by Changbi Publishers, Inc.

All rights reserved.

© Москвичева Т. В., перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Russian translation Copyright is arranged with Changbi Publishers, Inc.

Главные герои

Чон Чобам

Спектакль еще не окончен, а я уже боюсь, что тот день не за горами...

Возраст – 16 лет. Живет в скованном морозами внешнем мире, работает на электростанции. Мечтает стать режиссером. Отправляется в Сноубол, чтобы исполнить свою заветную мечту.

Ко Хэри

Открой коробку, и сама все увидишь.

Самая популярная актриса реалити-шоу, которое транслируется по шестидесятому каналу. Всеобщая любимица, одна из лучших актрис Сноубола.

Ча Соль

Я всего лишь хотела изменить мир. И хотела сделать это вместе с вами.

Режиссер, благодаря которой шоу с участием Ко Хэри завоевало огромную популярность.
Родом из именитой семьи потомственных режиссеров.

Ли Бонхве

Прошу, не надо меня больше благодарить.
Наследник корпорации, создавшей всю инфраструктуру Сноубола.

Первая часть

Мир Сноубола

Бабушка сидит в гостиной, укутав ноги толстым лоскутным одеялом, и смотрит телевизор. Показывают ее любимый сериал. Справа в нижней части экрана всплывают белые субтитры – прогноз погоды на сегодня.

Минус сорок шесть. На три градуса холоднее, чем вчера. Рядом с числом, обозначающим температуру, появляется иконка с изображением падающих снежинок. Это значит, что сегодня в любое время может начаться снегопад.

Бабушка, поднявшись со своего места, ставит чайник с водой на электрическую печку, тем временем Онги, опять проспавший полдня, появляется в дверях с зубной щеткой во рту и тут же начинает ныть:

– Эх, жаль, я больше не школьник...

В те дни, когда температура воздуха опускается ниже сорока пяти градусов, школа не работает.

– Давай иди уже зубы чистить. – Это я ворчу на Онги, сама не переставая орудовать зубной щеткой.

Как обычно, бабушка смотрит шестидесятый канал. Это частный канал Ко Хэри, где круглые сутки крутят сериалы с ее участием.

– Нет, ну сама рассуди. – Онги продолжает наседать, загораживая мне экран. – Десять месяцев назад мне было шестнадцать лет, и сейчас все еще столько же. Можно подумать, после окончания школы я сразу стал более морозоустойчивым.

Повернувшись к Онги, тычащему пальцем в экран телевизора, я хмурюсь:

– Эй, Чон Онги, ты же пасту на пол роняешь.

Онги – мой братец-близнец, он появился на свет на десять минут раньше меня и время от времени пытается выдавать себя за старшего, но только выглядит это немного смешно. Я уверена, он родился раньше только потому, что даже в мамином животе мне приходилось прикрывать его со спины.

Бабушкин одноместный обитый бархатом диван уже совсем дряхлый, подушки на нем давно продавлены. Бабуля почти все время сидит на этом диване и смотрит телевизор. Она вдруг поворачивает голову в нашу сторону.

– Эй, Онги! Разве можно себя так вести, когда невеста рядом! Ты прямо как дитя малое!

Онги с досадой сплевывает пену от зубной пасты и смывает ее в кухонную раковину.

– Ну, бабушка, ну какая же это невеста...

С тех пор как у бабули началась деменция, она думает, что я девушка Онги, которая каждый день приходит к нему в гости.

Не говоря больше ни слова, я иду в ванную и наполняю тазик для умывания ледяной водой из-под крана. Отлив немного воды в стакан, полощу рот. Зубы ломит так сильно, что немеет подбородок. Я собираюсь вымыть голову, но тут ко мне торопливо входит бабушка.

– Вот, невестушка, возьми-ка.

Она выливает кипяток из чайника, который принесла с собой, в тазик с холодной водой и перемешивает.

– Онги говорит, ему не надо, велел тебе отнести.

Чтобы удостовериться, что вода достаточно теплая, бабушка опускает в тазик палец. На лице ее читается нескрываемое удовольствие от того, что смогла угодить девушке внука, за которую она меня принимает. Я украдкой кошусь на кухню и вижу, как Онги быстро сует голову под кран и тут же отпрыгивает, шумно фыркая от холода.

Наблюдая за братом, я давлюсь от смеха.

– Спасибо, бабуль!

Прежде чем уйти, бабушка поворачивается в дверях и пристально на меня смотрит.

– А говоришь прямо как моя внучка...

Окинув меня взглядом, полным глубокой печали, она возвращается на свой старый диван.

– Дава-а-ай! Еще немного!

Это мы с Онги пытаемся втиснуться в тяжелые зимние ботинки. Когда ты одет так, что похож на капусту, – в трое штанов и шесть слоев кофт и курток для сбережения тепла, – чтобы влезть в обувь, тебе просто необходим какой-нибудь боевой клич. Вслед за ботинками мы надеваем по две пары перчаток, защищаем лица масками, оставив незакрытыми только глаза, а в заключение водружаем на головы меховые капюшоны.

– Бабуль, мы пошли! – бодро кричит Онги и собирается открыть дверь, ведущую в прихожую, но тут бабушка взволнованно окликает нас:

– Онги, смотри! Тут нашу Чобам показывают!

Мы с Онги обмениваемся смущенными взглядами, но тут же слышим радостный бабушкин возглас:

– Вот она! Вот же моя внученька!

Бабушку осчастливил анонс с информацией о том, что Ко Хэри теперь будет ведущей прогноза погоды.

Хотя Онги ни за что не хочет это признавать, но все-таки мы с Хэри очень похожи друг на друга. Мы даже родились в один день, к тому же она левша, как и я. Конечно, кроме бабушки, нас с ней никто не путает. Кожа у меня на лице сухая и обветренная от мороза, и волосы острижены коротко, чтобы было проще мыть. А у Ко Хэри, как и у всех, кто родился и вырос в Сноуболе, кожа нежная и сияющая, а волосы длинные и блестящие.

В заледеневшем мире Сноубол – единственное место, не скованное морозом. Тепло сохраняется благодаря огромному прозрачному куполу, укрывающему город. Издалека он напоминает рождественский стеклянный шар с маленькими домиками внутри: встряхнешь такой – и в нем начинает кружиться снег. Из-за сходства с игрушкой люди и прозвали этот город Сноуболом.

Тех, кто, подобно Ко Хэри, живет в Сноуболе, называют актерами. Каждый их шаг запечатлен на пленке, фрагменты их повседневной жизни – телешоу, которое транслируется по всему миру. Ко Хэри только что была избрана ведущей прогноза погоды – передачи, вести которую имеют право лишь самые знаменитые актеры. За всю историю Сноубола она стала самой юной, кто удостоился этой чести.

Стоя перед камерой в безупречном костюме, Ко Хэри произносит речь голосом, которому сразу хочется верить.

– С первого января нового года я, Ко Хэри, буду создавать для вас погоду в Сноуболе. Благодарю всех за поддержку.

Я отрешенно смотрю на экран. Прислушиваясь к звучанию приятного голоса Ко Хэри, я размышляю: «Интересно, посчастливится ли мне попасть в Сноубол, смогу ли я когда-нибудь ее увидеть?»

Если бы волосы у меня росли так же быстро, как сильно я стремилась в Сноубол, то, побрейся я вечером налысо, уже наутро волосы подметали бы пол. Кто знает, может быть, это мое страстное желание попасть в Сноубол так подействовало на бабушку. Возможно, часть моей души уже улетела в Сноубол, и, возможно, это ее видит бабушка, когда смотрит шоу с участием Ко Хэри, и оттого ей кажется, что Хэри и есть ее внучка.

Оторвавшись от экрана, Онги открывает внутреннюю дверь и направляется к выходу, осуждающе цокая языком.

– Ты чего это? – спрашиваю я, сдвигая брови.

– И надо же было тебе тогда ляпнуть, что Ко Хэри – твоя потерянная сестра...

– Ах, ты... А ну, заткнись, пока я тебе в лоб не засветила!

Мой кулак вонзается брату под ребро. Онги делает вид, что мой тычок вовсе не застал его врасплох, но из его груди помимо воли вырывается сдавленный стон.

Как бы там ни было, шесть слоев одежды неплохо защищают от ударов, и все же Онги верещит без умолку, и мы, пихаясь и осыпая друг друга тумачами, минуем прихожую и наконец шагаем за порог, чтобы тут же попасть в объятия сорокашестиградусного мороза. Ноздри моментально смерзаются, и ресницы покрываются толстым слоем инея.

– Ай, как холодно! – Брат неудержимо трясется.

Мы с Онги всю жизнь неразлучны. Вместе играли в детстве, вместе ходили в школу, а с февраля этого года оба работаем на электростанции.

Как всегда, небо затянуто мутной дымкой, точно того гляди завьюжит, и куда ни глянь – повсюду ослепительная белизна. Ветви деревьев ломаются под тяжестью снега: четыре дня назад был сильный буран. А меж деревьев то тут, то там виднеются почерневшие от времени бревенчатые избы.

Мы с Онги с трудом переставляем ноги, прокладывая путь через сугробы к автобусной остановке. От нашего дома до электростанции при большом желании можно дойти и пешком. Но в такую погоду уж лучше сесть на автобус.

Мы каждый день заново прокладываем эту тропу и, казалось бы, должны уже привыкнуть, но всякий раз совершенно выбиваемся из сил. От тяжелого дыхания маска на лице намокает и мгновенно обледеневает. Несмотря на это, мои губы не чувствуют холода, ведь я промерзаю примерно наполовину, едва только ступив за порог.

Онги идет на несколько шагов впереди. Неожиданно он хватается и изо всех сил дергает нависающую над дорогой ветку дерева, и в следующий миг мне на голову летит охапка снега. Видя, что снег моментально залепил мне глаза, Онги бросается наутек.

– Давай кто быстрее до остановки!

– Эй, Онги! Так нечестно!

Со стороны может показаться, что мы передвигаемся неспешными прыжками, вытаскивая ноги из топкого снега, на самом же деле мы бежим что есть духу. Онги несется без оглядки и орет во всю глотку:

– Кто проиграл, будет стирать белье весь месяц!

– Только попадись! Я тебя точно прибью!

Я скачу во всю прыть, лишь бы только опередить брата.

– Ха-ха! Ну и кого ты хотел обогнать?!

Онги отстал всего на полшага, однако я первой касаюсь покосившегося знака остановки и, повернувшись к брату, ликуя хохочу.

Но Онги вдруг резко хватается меня за руку и оттаскивает назад, пытаясь спрятать у себя за спиной, а сам принимает угрожающий вид. Перед нами женщина, она слегка кивает, мы же стоим не шелохнувшись, глядя прямо на нее.

Ей двадцать девять лет, рост – сто семьдесят четыре сантиметра, стройная фигура и невинный взгляд. Зовут Чо Мирю. Группа крови – вторая. Я знаю о ней все, ведь когда-то она была актрисой в Сноуболе.

В девятнадцать Чо Мирю прошла отбор и отправилась в Сноубол, где провела семь лет. За это время она убила девятих мужчин. Девушка проделывала это с невинным взглядом и обрела бешеную популярность, а кое для кого стала счастливым билетом в успешную жизнь. Режиссер сериала, выбравший ее на главную роль, удостоился Высочайшего Ордена Почета.

Тем не менее в один прекрасный день сериал неожиданно сняли с эфира и Чо Мирю вернулась в родные края, мгновенно превратившись в изгоя. Даже близкие родственники, узнав о ее скором возвращении, поспешили переехать в другое поселение, ведь жить с клеймом родни

убийцы стало бы для них непосильным испытанием. В то время нам с Онги было по тринадцать лет. Все вокруг – и дома, и в школе – настойчиво предостерегали, чтобы мы ни в коем случае не разговаривали с Чо Мирю и не смотрели ей в глаза. Но, несмотря ни на что, личность этой девушки всегда будила во мне любопытство. Мне до смерти хотелось послушать ее рассказы о жизни в Сноуболе. Интересно, каково это – прогуливаться по округе теплыми ночами в начале лета?

Онги, хорошо зная о моем нездоровом интересе к этой женщине, уверенно встает между нами и сверлит меня суровым взглядом, в котором отчетливо читается: «Даже не думай с ней заговорить!»

Вскоре к остановке подкатывает автобус – ржавый, двухэтажный, покрытый облупившейся ярко-зеленой краской. Этот автобус – единственное средство передвижения в нашем поселении. Взрослые ездят на нем на работу, дети – в школу. Люди набиваются в него, словно скот, и салон едва не трещит по швам.

– Зайдешь сюда – так мне удачи не будет! – Сидящий за рулем дядюшка Чэри вытягивает руку и преграждает путь Чо Мирю. – А ну, уходи!

– Мне только до почты доехать, – просит она, стоя с занесенной над подножкой ногой.

Почта, супермаркет, прачечная, приемная врача и прочая инфраструктура – все находится на территории электростанции, где работает большинство жителей поселения. Но не Чо Мирю. Она перебивается лишь охотой на кроликов и подледной рыбалкой и на электростанции появляется только тогда, когда у нее возникает в этом необходимость.

– Я ногу сильно подвернула. Разрешите мне проехать только один раз.

– Хватит притворяться! Думаешь, тебе тут кто-то поверит? – Дядюшка Чэри выходит из себя, и люди в автобусе начинают галдеть:

– Да что ты с ней препираешься, сажай остальных да поехали!

– Мы же на работу опаздываем!

В конце концов женщина опускает занесенную над ступенькой ногу. Сначала Онги, а за ним и я садимся в автобус, и тут Чо Мирю застенчиво окликает меня:

– Эй, девочка!

– Я?

– Ты не могла бы зайти вместо меня на почту? Узнай, пожалуйста, не пришло ли мне письмо.

Почему-то голос перестает меня слушаться, и я только киваю в ответ.

– Тогда я приду к обратному автобусу, буду ждать тебя здесь. Спасибо!

Онги бросается вперед и успевает крикнуть в закрывающиеся двери:

– Эй, не смей ждать тут мою сестру! – А потом сразу же набрасывается на меня: – Ты что, с ума сошла?! Ты хоть знаешь, что она с тобой сделает?

Стараясь не глядеть ему в глаза, я только пожимаю плечами:

– Ну и что...

Чо Мирю убила девятерых мужчин...

– Я же не мужчина...

Онги не находит что ответить на это мое оригинальное замечание и только фальшиво усмехается, а дядюшка Чэри кусает нижнюю губу: похоже, он сильно напуган.

Горячее дыхание двух сотен человек

– Уже приехали?

Мама стоит у дальней стены в центральном зале электростанции, обсуждая новости с односельчанами, и, увидев нас, машет рукой. Она работает в первую смену – с шести утра до четырех дня. Все, кто трудится на электростанции, распределены по четырем сменам, и раз в три месяца жребий решает, каким будет твой новый личный график.

Помахав маме, я первым делом бегу в конец зала и беру из стопки новый номер журнала «Телегид». В этом еженедельнике я нахожу все, что мне интересно: телепрограмму нескольких сотен каналов, которые транслируют из Сноубола, анонсы новых сериалов и информацию о том, какие сериалы прекращают снимать.

– О, вот она!

На этой неделе вышел специальный выпуск с интервью, которое дала Ча Соль, главный режиссер шоу с участием Ко Хэри. Ча Соль – мой кумир, я восхищаюсь ей больше, чем кем бы то ни было на этой земле.

Я крепко прижимаю журнал к груди. Можно было бы пролистать его прямо сейчас, но как лишиться себя удовольствия не спеша прочитать его в спокойной обстановке, придя домой после тяжелого рабочего дня?

Любовно поглаживая обложку, я борюсь с желанием прочесть хотя бы «Советы будущим звездам Сноубола».

Каждую неделю в «Телегиде» выходит колонка с каким-нибудь ценным советом для будущих актеров и режиссеров. Нетрудно догадаться, что тетрадь, куда я вклеиваю вырезки, – мое самое ценное сокровище.

– Чон Чобам, ты меня вообще слушаешь? – Откуда-то рядом со мной вновь появляется мой брат. Он тоже взял себе журнал и снова переключился на меня. – Не смей с ней больше разговаривать, поняла?

– А ты, оказывается, такой трусишка!

Главный бригадир от служебных ворот громко окликает Онги:

– Эй, паренек! Не поможешь с разгрузкой?

– Да, уже иду!

Глядя, как брат торопливо исчезает в проеме ворот, я осуждающе цокаю языком. В этот момент кто-то со всей дури шлепает меня по спине.

– Чобам!

Обернувшись, я вижу свою подругу Чеён. Она смотрит на меня, улыбаясь во весь рот. Да и сама готова прыгать от радости.

– Чеён! Ну, как вы съездили?

– Ой, лучше не спрашивай! Посреди дороги повалил такой снег и шел целых четыре дня! Я думала, мы там и сгинем.

Чеён работает машинисткой на железной дороге.

В мире существует всего четырнадцать железнодорожных направлений, названных по буквам алфавита от А до М. По каждому ходит лишь один поезд, и все отправляются из Сноубола. Составы везут продукты для работников электростанций и школьников, доставляют товары в супермаркеты и разные произведенные в Сноуболе вещи, которые иногда заказывают жители поселений.

Наше поселение расположено в самом конце линии I, и по традиции машинистов всегда назначают из наших местных жителей. Моя подруга работает так уже шестой год.

– Ты знала, что, когда погода ухудшается, телевизор в инженерной рубке автоматически выключается, чтобы машиниста ничего не отвлекало? Перед глазами только тьма и поле,

покрытое снегом. Ты сидишь одна в полной тишине, а снег все валит, и снежинки размером с кулак! И что самое страшное, вдруг откуда ни возмись в небе сверкает молния! Да я сама не заметила, как начала молиться!

Чеён как никто другой любит приключения и ценит свободу. Но сейчас она выглядит напуганной. Осознав это, я настойчиво прошу:

– Расскажи, пожалуйста, обо всем Онги. Ему обязательно надо это услышать.

Понять не могу, почему этот трусишка так хочет стать машинистом.

Мой брат страстно мечтает стать машинистом, потому-то он и соглашается помогать с разгрузкой прибывшего из Сноубола поезда. Вообще-то, и Чеён, и ее сменщик дядя Чоун давно отработали положенный срок, и ходили слухи, что главный бригадир уже подумывает о замене.

– На самом деле лучше бы Онги оставался дома.

В ответ на мой непонимающий взгляд Чеён слегка наклоняется ко мне и понижает голос:

– У вас ведь бабушка не в себе. Не очень-то хорошо, если еще и Онги пойдет в машинисты и будет по полгода отсутствовать дома. Если ты уедешь учиться в киношколу, не лучше ли, чтобы твой брат оставался с бабулей?

Перед моими глазами неожиданно всплывает строчка из письма, полученного на прошлой неделе: *«Несмотря на Ваши выдающиеся способности и высокий потенциал, с сожалением сообщаем...»*

Киношкола – это старейшее учебное заведение, где готовят режиссеров для Сноубола. И в этом году, как и в прошлом, я снова не прошла туда по конкурсу. Отчего-то мне казалось, что на этот раз все точно получится, так что горю моему не было предела.

Тем временем Чеён разворачивает сегодняшний номер «Телегида» на странице с фото Ча Соль и, показав мне снимок, с размаху хлопает меня по плечу:

– Ты ведь не зазнаешься, когда станешь такой же знаменитой?

В улыбке подруги я вижу искреннее желание меня поддержать и от этого немного смущаюсь. Ведь режиссер Ча, одна из первых выпускниц школы, закончила ее с отличием. Не давая волю чувствам, я широко улыбаюсь и громко говорю:

– Ну конечно нет!

Я всего лишь хочу создать потрясающий сериал, какого никто никогда не видел, и пусть для этого придется подождать пару-тройку лет. Надо только верить. Мне нужна эта надежда. Во внешнем мире мы ютимся в домах-развалюхах, окончив школу, устраиваемся на электростанцию и изо дня в день выполняем одну и ту же тяжелую работу. Я не хочу такого будущего: жить по инерции, как все, – сама мысль об этом невыносима.

– Вторая смена, по местам!

По команде бригадира две сотни рабочих направляются к центру зала и выстраиваются в четыре линии по периметру огромного генератора.

– Давайте же и сегодня потрудимся как следует!

Хлоп-хлоп-хлоп! Бригадир хлопает в ладоши, и рабочие подтягиваются к ступальным колесам. Ступальное колесо чем-то похоже на автобусное, но только оно настолько огромное, что внутри помещается человек.

Одна бригада забирается внутрь колес и вращает их, перебирая ногами. Вторая рассаживается по стульям снаружи и что есть мочи раскручивает колеса руками. Через пятьдесят минут полагается десятиминутный перерыв, затем те, кто был внутри колеса, меняются местами с теми, кто работал снаружи, и снова начинается отсчет – еще пятьдесят минут напряженного труда.

Энергия от вращения колеса передается на вал генератора. Таким образом, работая руками и ногами, мы создаем самое важное, что есть в нашем мире, – электричество. Если не будет электричества, остановятся автобусы и поезда. Придется забыть о горячем какао и

теплом душе, ведь чайники и бойлеры работают на электричестве. Вряд ли кому понравится купаться в ледяной воде, и многие, скорее всего, вообще прекратят мыться или станут делать это раз в неделю. Боюсь себе представить, какой тут будет стоять запах: мы трудимся, буквально обливаясь потом.

Я шагаю быстро, на пределе сил, как спортсмен на состязаниях. Наконец скорость на моем личном датчике превышает отметку шесть с половиной, и тогда включается установленный внутри колеса монитор. Стоит чьему-нибудь монитору погаснуть, тут же является главный бригадир и начинает орать. Он любит говорить, что в нашем обществе каждый должен приносить пользу. А кто не хочет, может отправляться на улицу и замерзнуть до смерти.

Я беру пульт, включаю на мониторе шестидесятый канал и надеваю наушники. Канал Ко Хэри лучше всего подходит, когда хочешь отвлечься и подумать о чем-то своем. Я видела почти все эпизоды сериала, где она снимается, поэтому мне практически не нужно концентрироваться на том, что происходит на экране, чтобы понять сюжет.

– Те, кто считает скорость шесть с половиной достаточной, не желают стать лучше, чем они есть. – Неожиданно рядом со мной возникает бригадир с мегафоном в руке. – Разве можно довольствоваться малым? Разве трудно постараться сделать в своей жизни чуть больше? Неужели кому-то от этого станет хуже?

Облокотившись на опору моего колеса, он сверлит меня взглядом. «А как бы он себя вел, если бы на моем месте оказалась Чо Мирю? Наверное, как и дядюшка Чэри, уже давно бы поседел от страха».

Чтобы не обращать внимания на бригадира, я стараюсь думать о Чо Мирю. Интересно, что за письмо она ждет. Может, весточку от семьи, которая ее бросила? Или записку от бывшего возлюбленного, который до сих пор живет в Сноуболе?

– А ну-ка давайте все как следует поднажмем! Думаете, за сегодня вы уже окупили *стоимость просмотра любимых каналов*?

Бригадир назойлив, и работники с недовольными лицами изо всех сил крутят колеса. Каждое поселение обязано ежедневно вырабатывать определенное количество энергии. Электричество передается в Сноубол по проложенным под землей высоковольтным проводам, ведь актеры ни в чем не должны испытывать нужды. В обмен на наш труд нам позволяют *без ограничений* смотреть трансляции сериалов.

У-у-у-у... Огромный вал генератора вращается, шум и вибрация все нарастают, а наша одежда становится мокрой от пота.

– Когда-то ваши прадеды справляли нужду в обычном уличном сортире, – бубнит бригадир в свой рупор, взобравшись на балкон второго этажа.

Опять эта история... Я увеличиваю громкость в наушниках и стараюсь сконцентрироваться на экране монитора. Через четыре дня наступит Рождество, и для создания подходящего настроения сегодня на шестидесятом канале весь день крутят старые записи рождественских праздников в семье Ко Хэри.

Четырехлетней малышке Хэри подарили алмазный браслет. Надев его на запястье, она играет в куклы. Мама настойчиво выспрашивает, нравится ли ей подарок. Но Хэри никак не реагирует, полностью отдавшись игре. На Хэллоуин она так сильно испугалась привидения, что упала в обморок и вскоре после этого совсем перестала говорить. Когда я видела эти кадры, мне становилось грустно... Тем не менее каждый, кто, подобно мне, следит за жизнью Ко Хэри, знает, что уже следующей весной к ней вновь вернется ее чудесная улыбка.

– А больше всех ходить в уличный сортир боялись малые дети.

На милый образ Ко Хэри накладывается бубнеж громкоговорителя.

– Ведь, бывало, встанет малец посреди ночи справить нужду да и провалится в дыру спросонья.

Я вполуха слушаю разглагольствования бригадира, глядя на Ко Хэри с алмазным браслетом на запястье, и мне начинает казаться, что все происходящее не имеет ко мне ни малейшего отношения. Само собой, возле нашего дома тоже когда-то стоял уличный туалет. И все же, как ни крути, моя жизнь куда ближе к уличному сортиру, чем к алмазным браслетам.

– А как вы думаете, хорошо ли сидеть с голой задницей в холодном туалете, когда на улице мороз минус сорок шесть градусов? А?!

Он говорит о тех временах, когда люди еще не научились перерабатывать энергию движения в ценнейший ресурс – электричество. В прошлом невозможно было защитить трубы от промерзания, а значит, и пользоваться водопроводом, и, уж конечно, о домашнем туалете оставалось только мечтать.

– Что ни говори, а нашему поколению ужасно повезло!

Закончив свою речь, бригадир с хрустом откусывает яблоко. Эти яблоки нам сегодня раздали на обед, но обычным сотрудникам вроде меня досталось по крохотному кусочку, равному одной восьмой от целого. Сотрудники электростанции каждый день получают немного фруктов, которые выращивают в теплице. Разумеется, их стоимость вычитают из зарплаты.

– Если кому и повезло, то только тебе. В одиночку такое яблоко умял! – Моя мама, что крутит колесо рядом со мной, неодобрительно цокает языком и вдруг, слегка наклонившись в мою сторону, понижает голос: – Послушай, мне тут Онги сказал... Эта особа что, заговорила с тобой?

Это она про Чо Мирю. «Эта особа», «та женщина» и даже просто «она» – жители нашей деревни все как один избегают называть Чо Мирю по имени.

– Да ничего особенного, просто попросила зайти на почту, ее дядя Чэри не пустил в автобус...

Когда мама слышит мой ответ, у нее глаза округляются от ужаса:

– Девочка моя, ты ведь знаешь, насколько она коварна?

Мама порывается найти на моем мониторе реалити-шоу, где снималась Чо Мирю. Раньше она запрещала нам с Онги смотреть такие передачи, опасаясь, что это может плохо отразиться на психике. Но в девятом классе, во время зимних каникул, мы с братом посмотрели все семь сезонов, пока мама была на работе, а бабушка устраивалась подремать после обеда.

– Да ты ведь и сама все отлично знаешь.

Я до сих пор отчетливо помню лицо Чо Мирю и пистолет в ее руке, как она целится в своего возлюбленного. Как вообще можно убить того, кого любишь? Пускай с Чо Мирю и запрещено разговаривать, но все же когда-нибудь я спрошу у нее об этом. Хочу узнать, о чем она думала в тот момент.

А еще я пытаюсь понять свои чувства.

Что, если однажды, когда я стану режиссером, мне придется иметь дело с актрисой вроде Чо Мирю? Как я поступлю в такой ситуации? Смогу ли я снимать реалити-шоу, основанное на кровавых убийствах?

Я иногда вспоминаю церемонию награждения Ча Квибана, режиссера, снявшего это шоу. За свой труд он удостоился Высочайшего Ордена Почета, а сам сериал потом еще несколько лет не сходил с экранов. Я словно воочию вижу, как господин Ча стоит перед камерой с золотым орденом на груди, и вдруг представляю на его месте себя.

И тут мое сердце начинает стучать быстрее, а ноги больше не чувствуют усталости. Я бегу, чтобы вырваться из этой тюрьмы, где крутить колесо – наш общий удел. Я бегу, стремясь поскорее попасть в Сноубол, дремлющий в ожидании грандиозного шоу, которое по силам создать только мне одной. И пусть ступальное колесо никогда не тронется с места, моя душа в этот момент все ближе и ближе к Сноуболу.

Странное происшествие и загадочный гость

После работы я отправляюсь на почту, которая находится здесь же, на территории электростанции. Наше почтовое отделение совсем не похоже на великолепные красные здания Сноубола. Оно притулилось во внутреннем дворе, соединяющем проходную электростанцию с цехом главного генератора, здесь же расположились супермаркет, прачечная, медицинский пункт и поварской цех. Невзрачное строение занимает особое место в нашей жизни. Ведь именно сюда мы приходим, чтобы получить весточку от родственников, перебравшихся в другое поселение, или купить что-нибудь в Сноуболе, отправив конверт с бланком заказа. Здесь редко бывают очереди. Неудивительно, ведь цена на марки очень высока, не говоря уже о стоимости товаров, продающихся в Сноуболе. И все же каждый год мама приходит сюда, чтобы заказать торт на наш с Онги день рождения. Актер, исполняющий роль шефа-кондитера, изготавливает лакомство, и его доставляют на поезде. При мысли о том, что всего через несколько дней мы снова украсим свечами торт и вместе пропоём песенку в честь дня рождения, мое сердце начинает биться чаще.

– Эй, Чобам! – Сотрудница почты Суджи широко улыбается, будто ждала, что я приду.

Суджи старше меня на два года. У нее с детства парализованы ноги, и она на всю жизнь прикована к инвалидному креслу, поэтому работает на почте, а не на электростанции.

– Послушай, Суджи...

Но не успела я заикнуться о Чо Мирю, как почтальонша вручает мне позолоченный конверт.

– Посмотри с обратной стороны.

Повернув конверт, я вижу, что письмо запечатано красным сургучом, на котором четко отпечатан логотип с надписью «Ли Бон». Корпорация «Ли Бон Медиа Групп» – таково ее полное название – принадлежит древнему клану, создавшему всю инфраструктуру современного Сноубола.

– Это от Юджин!

При этих словах Суджи мои глаза округляются, а челюсть отвисает. Я кручу в руках конверт размером с две ладони, и он играет золотыми отблесками.

– Эй, подожди удивляться, это еще не все! – Суджи отъезжает немного назад в своем кресле и движением фокусника сдергивает серую ткань, прикрывавшую какую-то грудку вещей на полу.

Первое, что бросается мне в глаза, – это пирожные брауни в огромном пластиковом контейнере, размером с таз, который стоит у нас в ванной. Я ни разу в жизни не пробовала брауни, но знаю, как они выглядят, ведь это любимое лакомство Ко Хэри. Мало того, эти брауни необычные: они украшены красным и зеленым кремом и на них изображена рождественская елка.

Суджи со списком в руках перечисляет все, что Юджин прислала нам в подарок:

– Вон те десять бутылок – это апельсиновый сок, а в той коробке – клубника.

От нахлынувших чувств у меня начинает щипать в глазах. Син Юджин – вторая за десять лет актриса, которая отправилась из нашего поселения в Сноубол после Чо Мирю. И всего через два месяца после своего отъезда моя славная подруга присылает мне такой красивый конверт из золотой бумаги и целую гору подарков.

– Ой, кстати... Для Чо Мирю... То есть для этой женщины, случайно, ничего не приходило?

От радости я чуть не забыла, зачем пришла.

Суджи смотрит на меня с таким выражением, будто я сказала что-то немыслимое.

– А, да кому придет в голову ей писать?

Я киваю, бережно, словно сокровище, прижимая к груди письмо Юджин.

– Тут так много всего. Возьми наши санки и лыжи, – предлагает Юджин, погрузив ящик клубники на красные сани.

– Син Юджин прислала целый ящик клубники?

Онги помогает мне засунуть сани в багажное отделение автобуса, а сам весь дрожит от возбуждения, и по его лицу видно, что ему не терпится хотя бы на секундочку заглянуть под красную влагозащитную ткань, в которую тщательно упаковали посылку. Обернувшись к своему наивному братцу, я жестом показываю ему, чтобы вел себя потише. В автобусе полно работников электростанции, наших соседей и просто знакомых. Едва ли кто-то из них в своей жизни хоть раз пробовал клубнику. И если мы не планируем делиться ей со всей округой, лучше бы держать язык за зубами. Но Онги слишком простодушен. Громко хлопая дверцей багажного отделения, он как ни в чем не бывало продолжает меня расспрашивать:

– И сколько апельсинового сока она прислала?

– Девять бутылок, – отвечаю я беззвучно, одними губами, решив не упоминать о том, что одну бутылку я оставила в подарок Суджи. При мысли о том, как мы с мамой, бабушкой и братом будем пить апельсиновый сок и пробовать брауни с клубникой, рот мой наполняется слюной.

– Странно...

Мы выходим на своей остановке, я смотрю по сторонам, но Чо Мирю нигде не видно.

Небо, затянутое облаками, уже потемнело, и мы достаем из карманов курток налобные фонари и сразу крепим их на головы.

– Почему она не пришла? – Сделав луч фонарика поярче, я свечу вокруг остановки.

– Ты почему меня не слушаешь? Хватит о ней беспокоиться!

Онги вщелкивает ноги в лыжи, а я обматываю вокруг его пояса веревку, второй конец которой привязан к саням. Как-никак благодаря моему умению дружить и правильно выбирать друзей нам выпал шанс окунуться в роскошь, а мой брат решил взять на себя перевозку нашего сокровища.

– Ну что ты такое говоришь! Я же ей обещала, как мне теперь не беспокоиться?

Напоследок я решаю еще раз оглядеться. И тут замечаю то, что не заметила минуту назад: за деревьями, не двигаясь, лежит что-то темное.

– Эй, ты куда?

Оставив позади Онги, которому быстро идти мешают лыжи на ногах и груженные сани за спиной, я направляюсь к темной фигуре, с трудом переворачиваю ее и тут же узнаю Чо Мирю. Лоб ее залит застывающей кровью. Без лишних раздумий я срываю с нее защитную маску и приближаю ухо к губам. К счастью, она еще дышит, а на лице нет признаков обморожения.

– Ты что творишь?! Отойди от нее!

Онги бросается ко мне, но, поскользнувшись, валится в сугроб.

– Очнитесь! – Я изо всех сил трясу Чо Мирю, и она приоткрывает глаза и понемногу приходит в себя. – Только не спите! Нельзя засыпать!

Резкими рывками я пытаюсь тащить Чо Мирю туда, где остался Онги, но две пары перчаток мешают мне как следует уцепиться за ее одежду. Сорвав с себя перчатки, я зажимаю их в зубах, и мне наконец удается крепко схватить Чо Мирю за край пальто.

– Ты что делаешь?! – кричит Онги. Бросив санки и подбежав ко мне, он крепко стискивает мне руку.

– Освободи санки! – кричу в ответ я, сама не понимая, что делаю. Я и представить не могла, что человек, валяющийся без сознания, словно мешок, может быть настолько тяжелым.

Но, видимо, оттого, что сердце мое бешено стучит от страха, я чувствую невероятный прилив сил и неумолимо приближаюсь к дороге. – Надо скорей отвезти ее на станцию!

Отвезти Чо Мирю к доктору на станцию поздно вечером можно только на санях. Единственный транспорт, который туда ходит, – это автобус, но он появится здесь только перед рассветом, чтобы доставить на работу первую смену.

– Ты с ума сошла?! Зачем нам помогать убийце?

– Ты что, хочешь ее тут умирать оставить?! – Я сверлю Онги взглядом, мой голос срывается, и брат, кажется, уже готов сдаться, но вдруг еще сильнее сжимает мое плечо.

– Сейчас уже минус пятьдесят градусов, еще полчаса – и находиться на улице будет опасно!

Не знаю, возможно ли за полчаса довезти до электростанции взрослую женщину, которая к тому же выше меня ростом. Но, с другой стороны, я хорошо хожу на лыжах...

– Тогда я поехала...

Я снимаю с запястья Онги веревку от саней.

– Ну ты чего?! Совсем рехнулась, решила замерзнуть до смерти? – От злости он даже топает ногой.

– Знаешь, если бы наш папа был таким же трусишкой, как ты, мы бы и на свет не появились!

В пылу ссоры обидные слова нечаянно слетают с моих губ, и Онги мрачнеет. Наверное, не стоило называть его трусишкой, но сказанного не воротишь... Мое сердце бьется как бешеное, но я стараюсь говорить спокойно:

– Со мной все будет в порядке. Я еще так много не попробовала в своей жизни, поэтому сейчас уж точно умирать не собираюсь. Можешь за меня не волноваться.

Рукой в перчатке Онги стягивает с головы защитный теплый шлем.

– Я мигом тебя догоню! – кричит он уже на ходу, быстро шагая в сторону дома за лыжами.

Он убедил себя, что должен отправиться вслед за мной на случай, если я не доеду, упаду в снег и замерзну насмерть. Я не пытаюсь его отговорить. На споры с Онги сейчас нет времени, к тому же, возможно, в нем говорит кровь нашего отца. Но я не допущу, чтобы брату пришлось тащить нас с Чо Мирю по снегу.

Скинув в снег подарки от Юджин и водрузив раненую женщину на сани, я обвязываю веревку вокруг пояса, а сама шепчу себе под нос:

– Успею за полчаса. Так что нет никакой опасности.

Резко выдохнув, я плавно толкаюсь левой ногой, и лыжи со скрипом скользят по снегу. Постепенно набирая скорость, я двигаюсь по следу, оставленному колесами автобуса: он приведет меня к электростанции. В любой момент откуда-нибудь может выскочить олень или дикая лошадь, и такая встреча не кончится ничем хорошим, поэтому я внимательно смотрю перед собой. Облака полностью закрыли луну, и земля тонет во мгле.

Иногда я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на Чо Мирю. Она – изгнанница, хладнокровно убившая девять человек, и вот я рядом с ней, а вокруг ни души. От этих мыслей у меня холодок бежит по спине. «Эй, Чобам, не время об этом думать!» – говорю я себе и снова устремляю взгляд вперед.

Я иду уже довольно долго, но пейзаж вокруг не меняется: свет моего налобного фонарика пронзает непроглядную тьму, и тени деревьев падают с двух сторон, как костяшки домино, похожие на привидения. Дышать в маске очень трудно, но и снять ее нельзя. Как только ледяной воздух коснется влажной от дыхания кожи лица, она тут же покроется коркой льда.

– Ха-а... аха-а-а...

От холода ноги теряют чувствительность, а сознание затуманивается. Хочется забыть обо всем, и будь что будет. Вдобавок начинается снегопад, но не с маленьких снежинок, как должно бы быть. С неба сразу валят крупные хлопья. Вот черт.

Чтобы не потерять связь с реальностью, я раз за разом прокручиваю в голове историю, которую мне рассказывала мама.

В те времена, когда дядя Чэри только начал работать водителем, случилось так, что автобус застрял посреди дороги. Переднее колесо попало в яму, которую было не видно из-за снега, выпавшего за день до этого. Дядя Чэри что есть сил давил на газ, но колесо со старой шиной только глубже зарывалось в снег. Пассажиры пытались помочь, но не смогли вытолкать огромный автобус. Электричества для обогрева салона хватило бы чуть больше чем на час. После этого температура начала бы быстро опускаться, стремясь сравняться с уличной. Не приходилось и рассчитывать, что какой-нибудь другой автомобиль проедет по той же дороге. Разве что доктор, живущий на станции, получит вызов из нашего поселения и отправится к больному на машине скорой помощи. И тогда мой папа, понимая, что не стоит ждать чуда, и желая спасти сидевшую рядом маму и нас – в ее животе, попросил у водителя лыжи и выдвинулся в сторону станции. Ему предстояло проделать путь, который автобус преодолевает за сорок минут.

Через два часа послышался вой сирены. Замерзшие пассажиры перебрались в салон скорой помощи и благополучно доехали до электростанции. Мама сразу бросилась к папе. Он лежал в больничной палате, вся его кожа покрылась глубокими язвами.

Четыре дня спустя мама, заплатив за поездку огромные деньги, снова села в кабину скорой. Выполняя волю отца, который хотел однажды побывать с семьей у моря, она развеяла его прах на заснеженном берегу.

В декабре того же года мы с Онги появились на свет в палате родильного отделения. Несмотря на то что роды были преждевременными, мы весили два с половиной и два и шесть килограмма и выглядели даже упитанней обычных младенцев.

Рассказывая эту историю, мама не уставала повторять, что, даже если бы нас не было в том автобусе, папа все равно поступил бы точно так же. Он бы не раздумывая предпочел пожертвовать собой ради спасения ближних, чем сидеть и покорно ждать смерти.

Некоторое время мама стоит у меня перед глазами: каждый раз, когда она рассказывает о папе, уголки ее глаз краснеют. Тем временем снегопад усиливается. Все, что я вижу в свете своего налобного фонарика, – белый монстр, без конца атакующий меня.

Я осознаю, что давно не чувствую ног и переставляю их по инерции, и в этот миг замечаю вдалеке огни электростанции. В окне медпункта тоже горит тусклый свет.

Увидев меня, врач приходит в ужас:

– Что случилось?

Ха, я все-таки добралась. Больше всего мне сейчас хочется без чувств свалиться на пол, но вместо этого я с помощью доктора затаскиваю Чо Мирю в смотровую. Он начинает аккуратно снимать с нее одежду, я вызываюсь помочь и принимаюсь стаскивать с нее меховые сапоги и брюки. Но руки, как и ноги, у меня настолько онемели, что я почти не могу ими пошевелить. Я двигаюсь непривычно медленно и неуверенно.

Как будто из глубокого сна доносится голос доктора:

– Надо же, все хуже, чем казалось...

Чо Мирю лежит на кушетке, на левом плече и ноге у нее отчетливо проступают огромные синяки. Такие раны может нанести разве что разъяренный лось. Мне хотелось бы верить в такое объяснение. Вот только Чо Мирю – опытная охотница, да и лоси никогда не приближаются к жилью людей. А раз так, то не значит ли это, что кто-то из местных решил свести с ней счеты? С другой стороны, в наших краях к этой женщине все относятся как к заразной больной. Без веской причины никто не стал бы к ней приближаться.

Сбросив одежду Чо Мирю на пол, доктор на максимум включает электрический матрас на кушетке, а я накрываю раненую женщину одеялом из оленьей шкуры. Прежде всего ее нужно согреть.

Смыв запекшуюся кровь с ее лба, доктор обращается ко мне:

– Послушай, Чобам... (Так как мы с Онги близнецы, все в округе знают, как нас зовут.) Почему ты решила помочь Чо Мирю?

Я впервые слышу, чтобы кто-то называл ее по имени. Заметив мой удивленный взгляд, доктор тихонько смеется. И, давая понять, что все должно остаться между нами, коротко добавляет:

– Мы были друзьями в школе. А когда я учился в университете, мы с ней пару раз виделись в Сноуболе.

Медицинский университет, как и все остальные университеты, находится в городе под куполом. Студенты-медики не считаются актерами, тем не менее во время практики им приходится сниматься в сериалах про больницу. В обмен на это они учатся бесплатно, а зрители получают возможность заранее увидеть врача, который потом будет работать в их поселении, и оценить его навыки.

Пока я складываю одежду, разбросанную по полу, доктор наносит антисептическое средство на раны Чо Мирю.

– Там, в городе, я понятия не имел, что она убивает людей. – В его голосе слышится горечь. Жителям Сноубола не разрешено смотреть сериалы, которые там снимают. Ты не можешь узнать, что твой парень изменяет тебе с близкой подругой. Но благодаря этому правилу тем интереснее зрителям за пределами Сноубола.

Доктор кивком указывает мне на чайник, стоящий на электронагревателе.

– Выпей чаю, погрейся.

Я наконец снимаю с себя верхнюю одежду и направляюсь к серванту в комнате отдыха. К моему большому сожалению, какао там нет. Не повезло мне и с кофе – на донышке прозрачной пластиковой банки осталось всего несколько зерен. Пока я выбираю между чаем из листьев оливы и чаем из купены, из смотровой раздастся пронзительный вопль.

– Потерпи, Чо Мирю. Тут немного, – твердым голосом произносит доктор, начиная зашивать рану на лбу девушки.

Невольно я морщусь, будто это мою кожу прокалывает игла. Обезболивающее стоит очень дорого, поэтому его разрешается использовать только во время родов. А еще при сложных операциях, но проводить их можно исключительно в Сноуболе – лишь там есть необходимое оборудование. Так что, если кто-нибудь из нас серьезно заболеет, на обезболивание рассчитывать не приходится и остается только терпеть.

– А-а-а-а!

Не в силах открыть глаза, Чо Мирю ворочается на кушетке, в бреду все повторяя какую-то бессмыслицу:

– Черная... черная...

От одного вида ее пересохших бледных губ наворачиваются слезы. С жалостью глядя на женщину, я опускаю в кружку с горячей водой пакетик чая из купены.

– Возьми на полке рядом с буфетом синий контейнер с мазью и натри себе лицо. У тебя тоже обморожение.

До этого момента я и не замечала, что творится у меня с лицом.

– Если не хочешь, чтобы на лице остались шрамы, возьми эту мазь домой и наноси каждый час. За твое лечение заплатит Чо Мирю.

Я аккуратно ставлю на стол чашку с теплым чаем и встаю с места.

– И больше не смей так делать. Разве твоя мама переживет, если с тобой что-нибудь случится?

Вспомнив о маме, я совсем расстраиваюсь. Мама всегда говорит, что хочет, только чтобы я была здоровой, а больше ничего и не надо.

– Да, простите меня...

Я намазываю жирной мазью нос и щеки и смотрю на себя в зеркало. Лицо обморожено и выглядит ужасно. Мазь жжет кожу и в то же время приятно холодит.

И тут внезапное осознание заставляет меня подпрыгнуть как от удара током.

– Чон Онги!

– Что? – Доктор как раз закончил обрабатывать раны Чо Мирю и глядит на меня с недоумением.

– Доктор, Онги так и не пришел! Он сказал, что будет переживать за меня и обязательно придет сюда следом.

Видя, как я, будто полоумная, в панике собираю с пола одежду, доктор бросается мне наперерез.

– Ты что, опять туда пойдешь?

– А что, если Онги лежит в снегу без сознания?!

Доктор с силой хватается меня за запястья.

– Образумься! Тебе только что повезло остаться в живых, сомневаюсь, что повезет еще раз.

Он ниже почти на голову, но хватка у него крепкая. Я отчаянно вырываюсь.

– Пустите! Нельзя же, чтобы мой брат умер, пока я тут спасаю чужого человека!

В этот самый момент кто-то тихонько стучит в дверь, и мы с доктором одновременно поворачиваем головы.

– Чон Онги?

– Простите за беспокойство.

В дверях показывается незнакомец. На плечах у него накидка с красивой меховой оторочкой, из-под накидки виднеется дорогой черный костюм. На голове – шапка из лисицы, а лицо кажется очень знакомым. Мой взгляд привлекают его блестящие туфли. В наших краях все носят только теплые ботинки, и такие туфли я вижу впервые.

– Это вы Чон Чобам? – спрашивает незнакомец, глядя на меня. – Мы только что были у вас дома. Ваш брат сказал, что мы найдем вас на электростанции.

У меня словно камень свалился с души, а вот доктор, наоборот, слегка нахмурившись, смотрит на неожиданного гостя с подозрением – как будто он раньше его уже где-то встречал, но никак не может вспомнить, при каких обстоятельствах.

– С вами хотят поговорить. – Вошедший мужчина обращается только ко мне. Он не замечает настороженного взгляда доктора и даже не смотрит в сторону раненой женщины, затихшей на кушетке у нас за спиной.

– А кто хочет?

– Одно уполномоченное лицо из киношколы хотело бы с вами встретиться.

– Прямо из киношколы?!

По всему моему телу разливается блаженный трепет.

Кое-что похуже девяти убийств

Вслед за мужчиной я выхожу из медпункта, но в зале темно и никого не видно.

– Нас ждут снаружи.

– Что? В такой холод?!

Проигнорировав мой недоуменный взгляд, мужчина толкает дверь. На руке у него дорогая кожаная перчатка. Нет никаких сомнений, что он приехал из Сноубола... И в это мгновение я вдруг вспоминаю, как его зовут.

– Вы ведь Купер Рафалли?

Ну конечно, это он, Купер Рафалли, главный актер сериала, который закончился в позапрошлом году.

– Да, это я. Звезда биатлона, чье сердце мягче, чем соевый творог.

Несмотря на иронию в его голосе, я вижу, что ему приятно оттого, что я его узнала. И выглядит он сейчас куда счастливей, чем по телевизору.

В Сноуболе Рафалли занимался биатлоном. Биатлон сочетает в себе бег на лыжах и стрельбу, но в городе под куполом это еще и один из *узаконенных методов казни*. Рафалли снова и снова приходилось стрелять по мишеням – *приговоренным к смерти преступникам*. Каждый раз он мучился и страдал от угрызений совести. Зрителям канала досадно было видеть слабость их любимого актера, тем не менее они с любопытством наблюдали за тем, как неумолимо разрушается его личность.

– Каждую среду и четверг мы всей семьей за ужином смотрели сериал, где вы снимались. – Я стою перед некогда любимым актером и от волнения переминаюсь с ноги на ногу.

Мы, люди внешнего мира, словно проживаем жизни наших кумиров, заряжаясь от них энергией. Радует, когда они счастливы, и оттого чувствуем счастливее и себя, сопереживаем им в минуты отчаяния, ощущая, что все не так уж и плохо в нашем существовании.

– А я думала, что, когда сериал заканчивается, актеры, которые в нем снимались, должны вернуться во внешний мир. Но вы, кажется, так никуда и не уехали...

– Мне повезло. К тому же в Сноуболе, помимо актеров, нужны разные люди.

– А-а-а...

Услышать о Сноуболе от человека, который там живет, – совсем не то же самое, что слушать об этом на уроках в школе. На радостях я спотыкаюсь и едва не растягиваюсь на полу, но спортсмен Рафалли реагирует мгновенно и успевает подхватить меня под руку. Мой рот сам собой расплывается в идиотской улыбке, и, чтобы скрыть ее, я быстро отворачиваюсь.

На седьмом небе от счастья, вместе с моим спасителем я минуя еще несколько дверей и, оказавшись на улице, вижу припаркованный у ворот электростанции черный лимузин. Я ни разу в жизни не видела настоящего лимузина – впрочем, как и брауни, которые мне сегодня прислала Юджин, – однако ошибиться невозможно: именно на таких лимузинах гости съезжают на вечеринки в особняк Ли Бона. В реальности автомобиль кажется гораздо больше, чем на экране.

Рафалли элегантно открывает заднюю дверцу и тихим голосом произносит:

– Ты только сильно не удивляйся.

А потом оборачивается ко мне и подмигивает. О боже! Мне подмигнул сам Купер Рафалли – некогда лучший игрок в биатлон! Тот самый Рафалли из телевизора, который во время лыжных гонок выглядел так бесподобно, что толпы поклонников изо всех сил стремились походить на него. Мне не терпится поскорей рассказать обо всем Онги.

Однако спустя миг впечатление немного портится. Длинный и изящный снаружи, внутри лимузин выглядит довольно тесным. Свободного места здесь чуть ли не вполосину меньше, чем я думала. Да и уполномоченного лица из киношколы не наблюдается.

Озадаченная, я забираюсь внутрь и сажусь спиной к водителю. Напротив меня оказывается перегородка с небольшим окошком. Сиденье очень мягкое, не сравнить с нашим стареньким диваном.

Я слышу, как Рафалли садится на водительское место, и в этот миг перегородка начинает медленно подниматься, открывая невидимую до этого часть салона. Передо мной появляются ноги женщины, сидящей напротив. Сквозь прозрачные высокие сапоги видно, что ее стопы изысканно украшены. На больших пальцах обеих ног наклеены огромные стразы, похожие на изумруды, а кожа разрисована причудливыми узорами под старину, нанесенными тушью зеленого цвета в тон стразам. Прозрачные сапоги в сочетании с дизайнерским педикюром как раз вошли в моду в Сноуболе этой весной.

– Как тут только люди живут... – бормочет себе под нос обладательница изукрашенных ногтей. Одета в белое трикотажное платье, она ежится от холода: пока открывали дверь, в лимузин ворвался ледяной ветер.

Перегородка поднимается до конца, и я наконец вижу лицо женщины и ее короткие оранжевые волосы.

– Ты ведь знаешь, кто я?

Вместо трясущейся от холода незнакомки напротив сидит режиссер Ча Соль и, ослепительно улыбаясь, смотрит мне в глаза. Режиссер Ча Соль, сделавшая Хэри самой известной звездой Сноубола, – женщина, на которую я больше всего хочу стать похожей.

Возможно, оттого, что кровь хлынула в голову, я чувствую, как земля уходит из-под ног.

– Здравствуйте! – От волнения мой голос сорвался на крик.

Но госпожа Ча Соль отвечает мягкой улыбкой:

– Я рада с тобой познакомиться, Чобам.

При звуках ее низкого, мягкого голоса, произносящего мое имя, сердце чуть не выпрыгивает из груди. Купер Рафалли мог бы подмигнуть мне еще хоть тысячу раз, это не вызвало бы такого восторга.

– Ты, наверное, расстроилась из-за того, что и в этом году не удалось поступить в киношколу? – Голос Ча Соль снова мягко ласкает мне ухо.

Не может быть! Женщина, которой я так восхищаюсь, знает обо всем, что меня тревожит! Мне хочется показать ей, как глубоко я опечалена и в то же время достаточно сильна, чтобы справиться с эмоциями, но вместо этого начинаю бубнить себе под нос:

– А-а-а... ну да... это... ну, просто... Ничего страшного! Я все равно в следующем году буду поступать! А потом еще через год...

Ай! Я вовсе не собиралась нести эту чушь и выглядеть так глупо! Могла бы сказать, что каждую ночь работаю над сценарием сериала, который обязательно завоюет любовь зрителей, или что для меня большое счастье встретиться с госпожой Ча.

Но, наверное, потому, что искренние чувства понятны и без слов, госпожа Ча, к моему облегчению, глядит на меня с одобрением.

– Скажи, могу я попросить тебя о личном одолжении?

– А?

– На самом деле просьба не совсем личная. Если ты согласишься, это принесет пользу не только мне, но и Сноуболу, не говоря уже о наших зрителях.

Сама госпожа Ча Соль хочет попросить меня о помощи! Я разве что мечтать могла о том, что когда-нибудь поступлю в киношколу и мне посчастливится попасть на ее мастер-классы. Но что однажды вот так запросто о чем-то меня попросит прославленный режиссер, не могла себе представить даже во сне. Из всех сил стараюсь больше не выставлять себя дурочкой, я заверила ее, что сделаю все возможное, чтобы исполнить ее просьбу.

Похоже, она осталась довольна моим ответом. Тем не менее следующий вопрос меня удивил:

– Как думаешь, насколько вы с Хэри похожи?

– Что?

– Я гарантирую, стоит тебя немного принарядить, и кто угодно поверит, что ты и есть Ко Хэри.

Я по-прежнему в полном недоумении.

– Так вот. – Госпожа Ча наконец подошла к сути своей просьбы. – Я хотела бы, чтобы ты заменила Ко Хэри.

– Чего?!

Понимая, что совершенно озадачила меня, госпожа Ча Соль пристально смотрит мне в глаза, и вдруг улыбка сползает с ее губ.

– Прошлой ночью Хэри покончила с собой.

– Но... как?!

Я в смятении и жду, что она еще раз повторит то, что сказала. Я хочу, чтобы это оказалось неправдой. Но госпожа Ча Соль молча ждет, когда я смогу осознать и переварить услышанное.

В девятом классе, во время зимних каникул, я не отрываясь посмотрела все семьдесят семь эпизодов сериала, на протяжении которых Чо Мирю убила девять невинных человек. Теперь Хэри отняла всего одну жизнь – свою собственную. И эта смерть шокировала меня куда сильнее, чем смерть тех девятерых несчастных.

Хэри, никогда не знавшая забот, выросшая в теплом и уютном Сноуболе, вдруг кончает жизнь самоубийством? Как это возможно? Ведь в новом году она должна была стать ведущей прогноза погоды! А всего через несколько дней наступит Рождество – самый главный для всех нас праздник.

– Само собой, сегодня тоже показывали записи рекламы с Хэри...

Я не могла поверить, что моей ровесницы, актрисы, которая жила и росла вместе со мной по другую сторону экрана, больше нет на свете.

Мое сердце сжимается от боли, в носу щиплет, и я сама не замечаю, как из глаз катятся крупные слезы.

Дело, которое по силам только мне

Кажется, это случилось в пятом классе. Во время школьного обеда Юджин спросила у меня, не замечала ли я своего сходства с Ко Хэри. Она сказала, у нас даже голоса одинаковые. Я ей не поверила и хмуро возразила, что она ошибается. Мне мой голос совершенно не казался похожим на голос этой актрисы.

Той ночью я пробралась в гостиную, пока все спали, включила шестидесятый канал и кнопкой на пульте быстро убрала звук. Я стояла, стуча зубами, посреди холодной гостиной и вглядывалась в лицо Хэри. Я отметила, что глаза, нос и губы у нас действительно очень похожи. Ее улыбка и зубы тоже выглядели точь-в-точь как у меня. Так, может, на самом деле Хэри – моя сестра-близнец? Не знаю, как такое могло произойти, но что, если их с Онги подменили? О, звучит правдоподобно!

Я не находила себе места: как проверить эту догадку? Мне до смерти хотелось подойти к маме и спросить: «Мама, скажи, правда Онги нам не родной?» Целый год я подавляла в себе это желание, но в конце концов все всплыло на поверхность. Как-то раз, когда бабушка и Онги спали, я лежала между ними и тихонько плакала. Перепугавшись, мама бросилась ко мне. Я же, громко разрыдавшись, призналась, что мне жалко Хэри, и спросила, почему ее у нас забрали.

Эта история превратилась в анекдот и стала чем-то вроде семейной легенды, которую у нас дома нет-нет да и вспомнят. В тот день, когда нам пришлось появиться на свет, бабушка помогала доктору в родильном отделении и первой взяла Онги на руки. Она служила живым опровержением моей глупой теории. К тому же по мере того, как брат подрастал, он все больше становился похожим на маму. Однако он не унаследовал ее добрый характер и вечно достает меня дурацкими заявлениями вроде «Как тебе только в голову могло прийти, что вы с Ко Хэри – близняшки? Как не стыдно!», «Это из-за твоих глупых фантазий бабуля решила, что Хэри – ее внучка!», «*Чон Чобам, это твое наказание за то, что тогда назвала меня подкидышем!*».

Так себе вышла история, но именно с тех пор Ко Хэри стала моей любимой актрисой. Когда я видела ее по телевизору в красивом летнем платье, мне делалось легче на душе. «Должно быть, вот так я буду выглядеть, если отращу волосы и надену такое платье», – думала я тогда. И мне как будто становились доступны все те удовольствия, которыми могла наслаждаться Хэри. Само собой, я ей часто завидовала. Но все-таки никогда не хотела стать актрисой, как она.

Я хочу быть режиссером.

Все школьники, живущие за пределами купола, каждый год обязаны участвовать в кастинге, который проходит в первую неделю сентября. Я терпеть не могла эти кастинги. Мало веселого стоять в школьном спортзале, по полчаса отвечая на личные вопросы и пытаясь продемонстрировать выдающиеся таланты, пока тебя снимают три камеры. И с седьмого класса я вела себя иначе: с каменным лицом обстоятельно рассказывала на камеру, какой сериал сниму, когда вырасту и стану режиссером, тем самым постоянно вызывая насмешки учителей.

Окончив школу, я и вовсе перестала ходить на эти кастинги. В Сноуболе есть такой закон: кто учился на режиссера, не может потом стать актером, а актер, в свою очередь, никогда не будет снимать телепрограммы. Все потому, что в год, когда открылась киношкола, один человек умудрился одновременно получать льготы, положенные и актерам, и режиссерам. Это посчитали нечестным и приняли соответствующий закон.

– Госпожа Ча, вы ведь знаете, что я мечтаю стать режиссером...

Избегая смотреть ей в глаза, я легонько покусываю нижнюю губу. Ча Соль не понимает, к чему я клоню, и ее бровь слегка поднимается. Я начинаю ощущать себя ничтожеством, ведь я

собираюсь отказать в просьбе человеку, которого уважаю больше, чем кого-либо на этом свете. Мой голос звучит все тише.

– Если я стану актрисой, то уже не смогу поступить в киношколу. Просто я очень хочу стать режиссером, как вы...

В ответ госпожа Ча тихо смеется.

– Чобам, ты ведь не понимаешь, о чем я тебя прошу. – Она встает со своего места и садится рядом со мной. – В базе Сноубола не будет твоего имени. Ты сможешь когда угодно снова попытаться поступить в киношколу и стать режиссером, каких мир до этого не знал. Ведь ты будешь видеть процесс съемок глазами актера.

Самый необыкновенный режиссер... Сама того не замечая, я шумно сглатываю.

– А я тебе в этом помогу. Но только сначала ты должна помочь мне.

Глаза госпожи Ча Соль похожи на тигриные. Они смотрят на тебя в упор и следят за каждым твоим жестом.

– Само собой, я не могу тебя никуда устроить. Хоть Купер и называет меня представителем школы, он делает это, просто чтобы произвести впечатление, на самом деле я там только работаю и не имею никакого отношения к управлению. Тем не менее опыт, который ты получишь в Сноуболе, поможет тебе сделать свое резюме и видеопрезентацию гораздо лучше. Твои соперники на собеседовании покажутся несмышлеными юнцами.

В ее уверенном голосе и манере говорить словно спрятана сладкая приманка. Но все же я чувствую, что должна сказать это:

– Я не хочу получать выгоду от смерти Хэри.

В уголках губ Ча Соль скользит усмешка.

– Разве я говорила о том, что ты что-либо получишь?

Под пристальным взглядом тигриных глаз я чувствую, как во рту у меня пересыхает.

– Хэри должна жить дальше. – Госпожа Ча мрачнеет. – Таким, как она, нельзя умирать.

Время уже далеко за полночь. Снег больше не валит, но теперь поднялся такой сильный ветер, что оконные стекла не переставая дрожат под его напором. Я выхожу в гостиную с полупустым рюкзаком. Я боялась, что не смогу уместить в него все необходимое, но оказалось, что взять мне в общем-то и нечего. В Сноуболе нет нужды в теплой одежде, тяжелых ботинках и защитных масках. Госпожа Ча сразу мне сказала, что там я смогу носить любую одежду, которая мне понравится, и есть, что захочу.

Мама достала мой старый розовый рюкзак, с которым я ходила в четвертый класс, и укладывает в него бутылки с апельсиновым соком. Обернувшись, она спрашивает, взяла ли я нижнее белье и носки, чтобы переодеться. Указывая на сок, я говорю:

– Мам, лучше выпейте его вместе с бабушкой и Онги.

Заглянув в рюкзак, я вижу в нем пирожные и клубнику. Наша поклажа так и лежала в снегу, пока Онги не вернулся и не подобрал ее. Разумеется, клубника и брауни превратились в ледышки.

– Я теперь такое сколько угодно смогу есть.

Я собираюсь вытащить из рюкзака все гостинцы, но мама твердо отстраняет мою руку.

– Откуда тебе знать, чем питаются студенты киношколы?

Я немного колеблюсь, размышляя, что ответить. Мама думает, что меня приняли в школу. Госпожа Ча и Купер Рафалли приехали ко мне домой к тому времени, как я должна была вернуться с работы, и наврали моей маме, что в киношколе освободилось место и меня зачислили в студенты.

Режиссер Ча Соль строго запретила мне кому-либо рассказывать о смерти Ко Хэри и о том, что я должна занять ее место. Правда о Хэри должна оставаться тайной для зрителей.

Последние шестнадцать лет зрители два раза в неделю встречались со своей любимой героиней на телеэкране. Все мы помним, как мальчик, который ей нравился, на перемене вдруг подарил ей ободок для волос, и весь урок она сидела с бешено колотящимся сердцем. Помним и тот день, когда Хэри узнала, что он начал встречаться с девочкой из параллельного класса, и, вернувшись домой, проплакала до самого вечера. Мы видели, как трехлетняя малышка Хэри шла со стеклянным стаканом в руках и, неуклюже упав, поцарапала подбородок. А когда ей исполнилось семь, она впервые попала на прием в особняк семьи Ли Бон и, встретив там восьмилетнего наследника корпорации Ли Бонхве, так застеснялась, что весь вечер ерзала на стуле.

Все эти шестнадцать лет Хэри была для кого-то другом, для кого-то дочерью, а для кого-то внучкой. И показать в эфире сцену, где она привязывает к люстре веревку, а второй конец надевает себе на шею, – все равно что вызвать стихийное бедствие. Возможно, если бы можно было сообщить о ее смерти, ограничившись статьей в «Телегиде», это смягчило бы для зрителей боль утраты. Однако закон такого не допускает. Смерть ведущих актеров, какой бы ужасной она ни была, не может остаться тайной. Это *великая цена*, которую они платят за счастье жить в Сноуболе.

Госпожа Ча рассказала мне об эффекте Вертера, когда люди после самоубийства своего кумира тоже сводили счеты с жизнью, выбирая тот же самый способ. Услышав об этом, я тут же подумала о бабушке. Я боялась представить, каким ударом эта новость станет для нее, ведь она считает Хэри своей внучкой. Без сомнения, самое лучшее сейчас – любым способом скрыть от окружающих ее смерть.

Так что когда госпожа Ча предложила подождать восемнадцатилетия Хэри и объявить о ее желании покинуть Сноубол, тем самым закончив сериал, мне ничего не оставалось, как согласиться. Детям актеров, родившимся и всю жизнь прожившим в Сноуболе, дано право покинуть Сноубол. Такое решение они могут принять всего один раз – в день, когда им исполнится восемнадцать, и изменить его уже невозможно.

Неожиданный конец шоу, где Хэри вдруг решает уехать из Сноубола, отказавшись от жизни напоказ, безусловно, расстроит зрителей. Наверное, они даже почувствуют себя преданными или разозлятся. Но в любом случае для них так будет лучше, чем узнать горькую и жестокую правду. В этом я полностью согласна с госпожой Ча Соль.

И если подумать, у многих появится надежда, что Хэри приедет жить именно в их поселение. Со временем новый актер сможет завоевать всеобщую любовь зрителей, а Хэри постепенно забудут.

– Такая работа по силам одной лишь тебе, Чобам.

После этих слов последние сомнения рассеялись без следа. Жизнь, проведенная в ступальном колесе, которому все равно, кто его крутит, не сравнится с жизнью, которую могу прожить только я. Только я способна сделать конец истории Хэри счастливым.

– Надо бабушку разбудить попрощаться. – Выйдя из ванной, Онги показывает пальцем на закрытую дверь бабушкиной комнаты.

– Она спит, не надо ее будить. Все равно она считает меня твоей подружкой.

Онги смущенно ерошит себе волосы:

– Зато тебя она всегда любила больше, чем меня.

Я молча киваю. Когда мы были маленькими, бабушка тоже работала на электростанции. Она никогда не ела фруктов, которые получала на работе. Нам в школе на обед тоже давали фрукты, но бабушка всегда приносила свою порцию домой. Свой малюсенький кусочек она разрезала пополам и вручала нам с Онги, и каждый раз моя половина оказывалась чуть больше. Дело в том, что всего через два дня после моего рождения у меня обнаружили порок сердца и, хоть очень скоро опасность миновала, иногда все же случались приступы, поэтому бабушка из нас двоих заботилась обо мне чуть больше.

Тихо открыв дверь, я тепло гляжу на бабушку: «Теперь твоя внучка и вправду отправляется в Сноубол. Смотри на меня каждый день, а я буду стараться изо всех сил. Я скоро вернусь».

Обезболивающее и успокоительное

Напоследок, перед тем как уйти из дома, я крепко обнимаю маму. Мама упорно отворачивается, чтобы не показывать мне, что плачет. Она глядит на стеклянный футляр в форме кубика. Внутри лежит сувенир – маленький фотоаппарат из чистого золота, на месте линзы у него сверкает бриллиант. Это подарок, который передал моей маме Купер Рафалли, объяснив, что подобные сувениры получают все, кто становится частью корпорации «Ли Бон Медиа Групп». Я понятия не имею, правда ли это, но, по крайней мере, с этого момента моя мама поверила, что я действительно зачислена в школу.

– Я позабочусь о маме и бабушке, а ты хорошо учись и ни о чем не волнуйся. – Онги, желая походить на папу, старается придать голосу твердости, сам не замечая, как кусает нижнюю губу, а в его покрасневших глазах уже затаилась печаль грядущей разлуки.

Вслед за Онги я тоже напускаю на себя воодушевленный вид:

– Мам, ты что, плачешь? Как будто я там умру.

Мама украдкой смахивает слезы.

– И правда, что-то я надумываю себе всякие глупости. Мы ведь сможем навестить тебя.

Ученикам киношколы позволено приглашать к себе в гости родственников, в отличие от других студентов, которые могут вернуться домой на каникулы. У тех, кто учится в киношколе, настоящих каникул не бывает.

Глядя на маму, я натянуто улыбаюсь. Ведь на самом деле я еду в Сноубол не как студентка, а значит, пригласить их к себе не смогу.

– Не болейте, будьте здоровы! Мы скоро снова увидимся!

Не желая больше разыгрывать из себя счастливую студентку, я спешу скрыться за дверью. В прихожей я порываюсь оставить розовый рюкзак, набитый пирожными и бутылками с соком, но потом представляю, как огорчится мама, когда его обнаружит, и все-таки забираю рюкзак с собой.

В лимузине, за рулем которого сидит Купер Рафалли, царит напряженная тишина. Госпожа Ча Соль достает из небольшого холодильника, оказавшегося на заднем сиденье, бутылку удлиненной формы.

– Нам следует отметить это шампанским!

Бум! Крышка вылетает из бутылки с резким звуком, от которого я вздрагиваю. Потеряв дар речи, я широко открытыми глазами смотрю на госпожу Ча. В Сноуболе, как и в нашем мире, по закону пить алкоголь разрешается только с двадцати лет.

– Один бокал тебе не навредит. Шампанское – это напиток радости и победы.

Я смущенно беру из ее рук длинный бокал, который она наполняет золотистой жидкостью. На поверхность всплывают маленькие пузырьки. Легко соприкоснувшись бокалами с госпожой Ча, я, следуя ее примеру, одним махом опрокидываю содержимое себе в рот. Ой, какое горькое! А на вид казалось сладким... Наблюдая, как я морщусь, вываливаю изо рта язык и облизываю губы, точно корова, госпожа Ча добродушно смеется.

Неожиданно я задумываюсь, в какую историю себя втянула. Еще утром я была обычной шестнадцатилетней сотрудницей электростанции на ручной тяге. А сейчас еду в Сноубол с самым талантливым режиссером этого города. Весь следующий год мне предстоит играть роль вместо самой популярной актрисы, а моя семья в это время будет получать за меня компенсацию, считая, что это моя стипендия от школы. Зрители не испытают шок от трагической смерти своей любимой героини, а Хэри... А чего могла желать Хэри?

– Госпожа Ча, скажите... А что Хэри написала в предсмертной записке?

Госпожа Ча Соль подносит к губам бокал с остатками шампанского и вдруг замирает, словно окаменев.

– С чего ты взяла, что она оставила записку? – Взгляд тигриных глаз вновь фокусируется на мне. – И тебе не кажется, что это слишком личный вопрос?

Ее резкое замечание и указание на бестактность заставляют меня окончательно смутиться. Личный вопрос? Разве к Хэри применимо такое понятие? Даже когда на первом свидании у нее случилось расстройство желудка, камеры, установленные в парке, снимали, как она бежит в общественный туалет, чтобы каждый зритель мог увидеть ее смущение и стыд.

Такова *судьба актера*. И теперь я должна буду принять ее на себя.

От этой мысли на душе у меня становится невыносимо. Обернувшись к водителю, я кричу:

– Господин Рафалли!

В мире, где открыто на камеру совершаются убийства, что могло побудить ее расстаться со счастливой жизнью в комфорте и безопасности? Я обязана увидеть женщину, которая сможет ответить мне на этот вопрос.

– Господин Рафалли, давайте ненадолго заедем на станцию!

За перегородкой тишина, а лимузин продолжает двигаться в том же направлении.

– Мне оттуда надо кое-что забрать!

Я встаю полусогнувшись, чтобы пробраться поближе к месту водителя, но госпожа Ча Соль крепко хватается меня за руку, вынуждая сесть на место.

– Приедем в Сноубол, там все и купишь.

В ее интонации слышится раздражение. Этот недовольный тон, как у нашего бригадира на станции, тон, принуждающий меня подчиниться, тут же вызывает во мне бурю негодования. Я не собираюсь так легко сдаваться.

– Доктор дал мне мазь от обморожения, а я забыла ее взять с собой.

Госпожа Ча Соль устало замечает, что в Сноуболе можно найти мазь и получше, но я твердо стою на своем, ведь лекарство нужно наносить каждый час, чтобы на лице не осталось шрамов. Разве это не достойный предлог? Зачем терять время, уж лучше сразу принять меры.

– Разве у Хэри были такие шрамы?

С невинным взглядом я чуть наклоняю голову вбок. Госпожа Ча Соль с пониманием улыбается. Она сжимает мою руку еще сильнее и говорит, глядя прямо в глаза:

– На будущее запомни: что бы ты ни собралась сделать, сначала спроси у меня. Поняла?

Нажав кнопку микрофона сбоку на своем кресле, она произносит:

– Купер, поворачивай на станцию.

Лимузин тут же разворачивается. Луна скользит по небу, повторяя наш маневр, и в луче света, проникшем сквозь прозрачный люк в потолке, я вдруг замечаю какой-то блеск: по полу разбросаны осколки стекла. Я вижу, что над узким и длинным столиком установлены держатели для четырех бокалов. Из двух бокалов мы с госпожой Ча пили шампанское, еще один висит, как ему и полагается, вверх дном. Наверное, от тряски четвертый бокал упал и разбился. Как раз в этот момент лимузин хорошенько подсакивает на кочке, тем не менее бокал остается на держателе, словно приклеенный.

* * *

Зайдя в смотровую, я не нахожу кушетки Чо Мирю. В следующий миг я замечаю посреди кабинета ширму и, заглянув за нее, вижу, что женщина лежит под одеялом, лицо ее густо намазано мазью. Наверное, доктор вышел в ванную.

Я хватаю Чо Мирю за руку и начинаю трясти, а сама шепчу:

– Откройте глаза, госпожа Чо Мирю, мне нужна ваша помощь!

Откликнувшись на имя, которого не слышала уже много лет, женщина вдруг открывает глаза и медленно смаргивает, глядя перед собой невидящим взглядом.

– Вы очнулись?

– Спа... спасите! – бормочет она, вдруг крепко ухватившись за мой пуховик.

Видимо совсем обессилев, она начинает тяжело дышать, и тут я понимаю, что она собирается закричать.

– Успокойтесь! Вы в больнице. Здесь совершенно безопасно!

Я пытаюсь ее успокоить, но она лишь смотрит сквозь меня отсутствующим взглядом и продолжает бормотать себе под нос:

– Черный лимузин... Беги от лимузина...

Голос ее слаб, и в нем слышится испуг. Рука, сжимающая край моего пуховика, мелко дрожит.

– Черный лимузин? Вы тоже видели лимузин?

Мой вопрос заставляет ее вскрикнуть и схватиться за голову, как будто ее пронзила сильная боль.

– А-а-а...

– Что с вами? Вы ударились головой?

– Пожалуйста, не надо... голова раскалывается...

Чо Мирю лежит, обхватив макушку. На ее правой руке я вижу яркий кровоподтек.

– Госпожа Чо, вы обо что-то сильно ушиблись?

Я вспоминаю осколки, разбросанные на полу лимузина. Мог ли бокал упасть от сильного удара, например, когда автомобиль сбивает человека?

– Тот черный лимузин... Это он вас сбил?

На миг женщину перестает бить дрожь. Воздух вокруг нас словно сгущается.

Я представляю себе, как лимузин, за рулем которого сидит Купер Рафалли, сбивает Чо Мирю, стоящую посреди дороги. Но почему же они ее там бросили? Вряд ли они не знали, что она может замерзнуть до смерти. Неужели...

Чо Мирю из последних сил цепляется за мою руку:

– Не связывайся с ними...

– Что?

– То место... Ы-ы-ык... – У нее начинаются рвотные спазмы.

– То место... все школьники... знают... Ы-ы-ык!

Возможно, из-за удара Чо Мирю все время тошнит.

– Что за место?

Мне не по себе, и я пытаюсь узнать как можно больше подробностей, но, похоже, речь дается ей с трудом.

– Сно...

Желудочные спазмы одолевают Чо Мирю, и она изрыгает из себя зеленую жидкость, которая хлещет прямо на одеяло из оленьей шкуры.

– Госпожа Чо Мирю!

Доктор, вернувшийся из ванной, подбегает к кушетке. С волос его капает вода.

Чтобы освободить ему место, я отступаю на два шага назад. Обернувшись, я вижу, как открывается дверь смотровой, и тут же встречаюсь взглядом с Купером Рафалли. Он морщится и весь дрожит от холода.

– Чо Мирю? Кажется, это имя мне знакомо.

Повинуясь дурному предчувствию, я тут же бросаюсь ему наперерез. Раз Чо Мирю трясется от страха при мысли о черном лимузине, нельзя, чтобы Купер Рафалли, сидевший за рулем, узнал, что она здесь. Я повисаю у него на рукаве до того, как он успевает заглянуть за ширму.

– Извините, я задержалась! Пойдемте скорей! – Я тяну Рафалли к двери, по пути хватая с полки синий контейнер. – Доктор, я взяла у вас мазь! До свидания!

Пока Чо Мирю продолжает стонать и корчиться от спазмов, а доктор сбивается с ног, пытаясь ей помочь, я наконец вывожу Рафалли за дверь. Однако он не перестает оборачиваться. Из-за двери все еще слышны приглушенные стоны.

– С этой женщиной все будет в порядке?

Прищурившись, я сочиняю на ходу:

– Ну, доктор сказал, у нее были проблемы с желудком, а теперь еще осложнения. Говорят, у тех, кто долго находится в больнице, часто случаются осложнения. А обезболивающего-то нет...

Мама рассказывала, как мучился папа, оказавшись в тот злополучный день в больнице, поэтому сочинять такие истории мне нетрудно. Рафалли только кивает в ответ, и вдруг взгляд его становится грустным.

– Моя мать тоже не смогла вытерпеть боль и покончила с собой.

– Правда?

В его глазах отражается печаль, но он с грустью улыбается.

– Уехав в Сноубол, я потом много об этом думал. Ей оставалось потерпеть всего-то два дня, а там пришло мое письмо об утверждении на роль в Сноуболе. Если бы она дождалась, я купил бы ей сколько угодно обезболивающего.

Видя в моих глазах глубокое сочувствие, Рафалли улыбается мне. Я решаю спросить у него о том, о чем так хотела узнать у Чо Мирю.

– Скажите, правда ли, что жизнь в Сноуболе гораздо лучше, чем здесь?

– Конечно, ведь там можно вволю пить *теплое обезболивающее* и принимать *действенное успокоительное*.

– Ого! Там есть теплое обезболивающее, которое можно пить прямо как чай?

Укутав лицо в свою меховую накидку, он лукаво посмеивается.

– Ты скоро окажешься в Сноуболе и сама обо всем узнаешь.

Сидя в лимузине, который везет меня в город под куполом, я думаю о словах Рафалли. Может быть, Хэри до того, как покончить с собой, выпила теплого обезболивающего или приняла успокоительное. А если так, то, возможно, конец ее не был таким уж мучительным.

Мысли цепляются друг за друга.

Отчего Хэри решила расстаться с жизнью? Почему Чо Мирю так боится людей, приехавших из Сноубола?

Мне невдомек, что первая подсказка была совсем рядом.

Немыслимое происшествие

– Мы на месте.

Как только из динамика раздается голос Рафалли, госпожа Ча Соль открывает крышку на консоли, расположенной по левую руку от нее. Внутри оказывается черный телефонный аппарат. Это старинный телефон с круглым диском и цифрами от одного до девяти, нарисованными в круглых отверстиях. В нашем поселении тоже есть такой. Он стоит на станции в кабинете бригадира и используется исключительно для переговоров с начальством.

Госпожа Ча берет в руку тяжелую трубку и набирает ноль – ее палец в отверстии телефонного диска рисует крутую дугу. Диск с мягким тарахтением возвращается в изначальное положение.

– Готовься к отбытию.

Как только она произносит эти слова, где-то совсем рядом вспыхивает яркий свет. Из темноты возникает нечто огромное, до этого момента остававшееся невидимым. Это самолет: он такой огромный, что его и сравнить невозможно с нашим деревенским рабочим автобусом. Вообще-то, самолеты я много раз видела по телевизору. Но, в отличие от пассажирских, на которых актеры путешествуют на дальние расстояния, этот скорее похож на военный грузовой самолет *ушедшей цивилизации*, который я видела на картинке в учебнике истории. В школе нам рассказывали, что до того, как изменился климат и наступило похолодание, люди все время воевали друг с другом. Поэтому ту эпоху называли *цивилизацией войны*.

– Открывай грузовой отсек.

По команде госпожи Ча в задней части самолета открывается люк, и на снег опускается край металлической двери. Лимузин заезжает на получившийся трап и медленно едет по нему наверх.

Когда автомобиль оказывается на борту, дверь снова поднимается и с громким щелчком закрывается. Самолет начинает двигаться по бескрайнему снежному полю, постепенно разгоняясь, как на взлетно-посадочной полосе. Мне так хочется выглянуть в иллюминатор, что я вся извертелась, но госпожа Ча Соль велит мне пристегнуться и оставаться на месте до тех пор, пока взлет не будет окончен. Возможно, она просто не любит нарушать правила, но у меня создается впечатление, что она скорее хочет дожидаться, пока нагреется морозный воздух, который мы впустили в отсек во время погрузки. Люди, родившиеся и всю жизнь живущие в Сноуболе, не на шутку боятся морозов, царящих в нашем мире.

Вскоре мне закладывает уши, а ощущение тяжести в теле проходит. Механический голос из динамика сообщает, что мы благополучно достигли безопасной высоты. Купер Рафалли первым выходит из лимузина и открывает нам дверь. Я выбираюсь наружу вслед за госпожой Ча и ошеломленно осматриваюсь по сторонам.

Я впервые в салоне настоящего самолета, и он выглядит прямо как дом, построенный специально для жизни в небе: огромный грузовой отсек, в котором свободно поместился бы еще один лимузин, а за толстой стеклянной стеной великолепный уютный салон, одновременно гостиная и столовая.

Госпожа Ча Соль подводит меня к этой стене. На сенсоре над нашей головой начинает мигать красная лампочка. Вслед за этим огромные стеклянные створки разъезжаются в разные стороны, открывая широкий проход.

Обернувшись, госпожа Ча Соль с недовольным видом замечает стоящему у нас за спиной Рафалли:

– А ты куда? Забыл, что нужно убрать осколки из машины?

Его бровь изящно выгибается от удивления.

– Я что, и это должен делать?

Ча Соль смеется, будто слышит явную глупость.

– Если хочешь остаться в Сноуболе, сумей доказать, что от тебя есть толк.

Его щеки заливаются краской, но все же он покорно отвечает:

– Простите за дерзость.

После чего, с почтением поклонившись, возвращается к лимузину.

Госпожа Ча Соль подводит меня к двухместному бежевому диванчику, обращенному к стеклянной перегородке:

– Сядь здесь, отсюда вид лучше всего.

Я не хочу показывать ей, что раздосадована, но все же невольно надуваю губы: вокруг полно мест у окна, зачем она усаживает меня смотреть на багажный отсек? Тем временем госпожа Ча пристегивает меня ремнем безопасности, а сама направляется к телефону, находящемуся в салоне.

– Открыть багажный отсек.

Я смотрю на нее с изумлением, но госпожа Ча пугающе спокойна. Вновь раздается щелчок, и дверь багажного отсека начинает медленно опускаться.

Почувствовав внезапное движение, Купер Рафалли выглядывает из заднего окна. В полном ужасе я пытаюсь вскочить, чтобы открыть стеклянную дверь, но ремень безопасности переключило, и он не расстегивается.

– Господин Купер! – Привязанная к креслу, я изо всех сил машу руками. Я пытаюсь дотянуться до зоны охвата сенсора и во всю глотку зову Рафалли. Но датчики никак не реагируют на мои движения: двери застыли на месте, словно огромные ледяные глыбы. – Господин Купер, скорей бегите сюда!

Мой встревоженный голос заставляет его осознать всю серьезность положения, в котором он оказался, и, быстро выбравшись из машины, Купер Рафалли стремительно преодолевает путь до стеклянной двери. Лицо его белое как мел.

– Госпожа Ча! – Оказавшись с ней почти лицом к лицу, он изо всех сил колотит кулаком по стеклу. – Откройте дверь! Скорее!

Но госпожа Ча Соль стоит и спокойно смотрит на Рафалли. В это время лимузин за его спиной начинает крениться назад, тем не менее передние колеса соскальзывают первыми, и автомобиль ныряет в бездну капотом вперед. На лице Рафалли отражается смертельный ужас. Ему все труднее удерживать равновесие.

– Разбиться не так больно, как замерзнуть, Купер. – Голос госпожи Ча на удивление тверд, в нем даже слышатся металлические нотки.

Рафалли в иступлении бьется о перегородку, выкрикивая проклятия. Но на стекле не остается ни следа. Госпожа Ча Соль небрежно машет ему рукой на прощание:

– Спасибо за все, Купер.

Рафалли раздирают паника и гнев, в его глазах начинают лопаться сосудики, и по лицу градом катятся слезы. Страстно желая выжить, он яростно царапает стекло ногтями, но вскоре исчезает из виду, сбитый с ног порывами мощного ветра. Секунда – и его отчаянный вопль уже не слышен, словно в сковавшем мир холоде даже крик человека мгновенно замерзает, едва сорвавшись с губ.

В этот самый миг пряжка ремня безопасности отщелкивается, освобождая меня. Я резко вскакиваю с места, но тут же безвольно опускаюсь на пол: в ногах совсем нет сил. Я всматриваюсь в пустоту, пытаюсь разглядеть Рафалли, и передо мной разворачивается величественный пейзаж, который мне так не терпелось увидеть: высокие горные цепи, утонувшие в вечных снегах, спящие под лунным светом.

Невозможно выжить, упав с такой высоты. При этой мысли меня пробирает дрожь.

Вскоре вновь раздается щелчок: дверь багажного отсека закрывается, после чего в салоне воцаряется гнетущая тишина. У меня голова идет кругом. Я прикладываю ладонь ко лбу – он весь влажный от пота. Слезы текут по щекам, смешиваясь с мазью от обморожения.

– Что же это такое... Что это было?

Я так и сижу на полу, и госпожа Ча подходит ко мне. Наклонившись, она смотрит мне прямо в глаза. Мне не нравится ее выражение. Давным-давно я видела такое лицо у Онги. В тот день он сосредоточенно мастерил поделку из бумаги на уроке труда, а я ее случайно смахнула и села сверху.

Госпожа Ча Соль глубоко вздыхает и направляется к белому столику из мрамора.

– Теперь можешь садиться куда хочешь.

– Зачем вы его убили?! – В моем голосе слышатся рыдания.

Мне никогда не забыть умоляющий взгляд Рафалли, в котором застыл ужас. А ведь Чо Мирю убила девятерых.

Опираясь трясущейся рукой о пол, я смотрю на госпожу Ча Соль снизу вверх взглядом, полным ненависти, но она смотрит на меня спокойно.

– Купер сыграл свою роль. Она должна была закончиться здесь и сейчас.

– Я согласилась с вами поехать, потому что думала, что так будет лучше для всех.

– Купер был болтлив и слаб характером, – отвечает Ча Соль, ставя разогреваться воду для кофе. – Ему нельзя было довериться в серьезных делах.

– Разве это причина, чтобы его убить?

– Я тоже очень сожалею о случившемся. – Подойдя ко мне, она наклоняется и смотрит мне в глаза. – Если бы Хэри не умерла, то и Купер был бы сейчас жив.

Я не нахожу что ей ответить и лишь кусаю губу. Мысли путаются.

– Иди за стол – я налью тебе кофе.

Мягко похлопав меня по плечу, госпожа Ча возвращается к столу и начинает молоть зерна в кофемолке. Я изо всех сил пытаюсь успокоить взволнованное сердце и как можно более спокойным голосом спрашиваю у нее:

– Когда все закончится, со мной вы поступите так же?

Госпожа Ча Соль глухо смеется.

– Ты должна стать режиссером. Я ведь обещала, что помогу тебе, если ты поможешь мне. Глаза начинает щипать, и я ничего не могу поделать: слезы ручьем текут по моим щекам.

Госпожа Ча Соль останавливает кофемолку и ласково спрашивает:

– Что тебя так расстроило?

Всхлипывая, я выкладываю ей все, что накопилось у меня на душе:

– Глаза господина Купера... Я, наверно, их до смерти не забуду... Стану режиссером... Исполню все свои мечты... И все равно буду о нем думать... Это так страшно.

Госпожа Ча Соль мне отвратительна.

Но она вдруг быстро подходит ко мне, встает рядом на колени и нежно меня обнимает.

– А я подумала, ты плачешь, потому что захотела вернуться домой.

В ее голосе слышится облегчение, а я осознаю, что такая мысль даже не пришла мне в голову.

– В Сноуболе каждый день кто-нибудь умирает. Кто-то становится объектом чужой мести, кто-то погибает в обычной аварии, других уносят болезни и старость, но мы не горюем о каждом из них.

Плечи начинают дергаться от напавшей на меня икоты, и госпожа Ча Соль ласково гладит меня по спине.

– Сериал, где Купер играл главную роль, давно уже закончился, и давно прошло то время, когда кого-либо могла огорчить его смерть. – Она пристально смотрит на меня, ее зрачки непо-

движны. – Ты пролила из-за него уже достаточно слез. Тебя сейчас гложет чувство вины за то, что ты больше жалеешь себя, чем его. Ты ни в чем не виновата. Это естественно.

Она очень точно поняла, что творится в моей душе, и от ее слов мне становится легче.

– Госпожа Ча, а вы видели... Видели, как умерла Хэри?

– Еще нет.

Я совсем забыла, что режиссер не может просматривать записи своей программы в течение недели.

– Вы посмотрите?

На мгновение мне показалось, что взгляд ее оранжевых глаз дрогнул.

– Я должна. Ведь я режиссер этого шоу...

В этот момент у меня откуда-то появилась уверенность, что даже когда она увидит последние минуты жизни Хэри, подробно запечатленные камерами с разных ракурсов, то не заплачет. Не потому, что смерть Хэри ее нисколько не тронет, но потому, что она очень сильная.

Я осторожно отстраняю ее ладонь, обхватившую мою руку, и встаю на ноги.

– Кажется, теперь мне уже лучше.

К тому времени, как по салону распространяется терпкий кофейный аромат, слезы мои окончательно высохли. Я сижу у окна, и госпожа Ча Соль передает мне чашку горячего кофе. Хотя мне сейчас ничего не лезет в рот, я потихоньку пью его маленькими глоточками.

– Попробуй уснуть хотя бы ненадолго. Когда мы приедем, у нас будет много дел.

Госпожа Ча Соль сидит напротив. Она пьет кофе, листая газету. Я безучастно смотрю на опустевший грузовой отсек и неожиданно вспоминаю своих родных, оставшихся дома. Сердце мое сжимается.

– Вся моя семья думает, что я поехала учиться в киношколу. Я ведь никому ничего не сказала!

– Знаю.

Госпожа Ча Соль плавно переворачивает страницу.

– А теперь люди, живущие в Сноуболе, станут моей новой семьей.

Вторая часть

Мир, о котором можно только мечтать

Стоит мне закрыть глаза, как я тут же вспоминаю перекошенное ужасом лицо Рафалли, поэтому я лишь сижу и отрешенно смотрю в окно.

Небо, усыпанное мириадами звезд, постепенно становится лиловым, но линия горизонта вдруг вспыхивает ярко-красным. В этот момент голос в динамике сообщает о скором прибытии в Сноубол. Небо розовеет, а вдалеке открывается вид на огромный купол города. На фоне окружающего его, укутанного снегом, застывшего во льдах пространства он кажется ярко-голубым. Купол настолько огромный, что невозможно увидеть его весь. Прозрачная поверхность блестит на солнце, и кажется, что это обитаемая планета на просторах бескрайнего и безлюдного белого космоса.

Самолет меняет курс, забирая влево. Под крылом, словно игрушечные, повсюду разбросаны высотные здания, каких не увидишь в нашем поселении. Я вспоминаю красочные фотографии киношколы, которые вырезала из учебника и журнала «Телегид» и вешала на стену в своей комнате, и начинаю вглядываться в здания внизу. Я замечаю и разноцветные крошечные машины, снующие по асфальтовым дорогам.

Госпожа Ча Соль, все это время тоже смотревшая в окно, спрашивает меня с таким видом, словно показывает свой сад, который вырастила собственными руками:

– Ну как, нравится?

Я не хочу показывать ей свой восторг, поэтому небрежно киваю в ответ.

– Хэри. – Неожиданно она зовет меня чужим именем. Я озадаченно гляжу в ее глаза цвета тыквы. – Начиная с этого момента тебя будут звать Хэри, даже если никто не видит.

Когда она называет меня этим именем, я вижу в ее глазах нежность.

Госпожа Ча Соль вот уже шестнадцать лет работает с семьей Хэри – с того дня, как окончила киношколу. Наблюдая за жизнью Хэри по телевизору, я и сама к ней привязалась, что уж говорить о режиссере Ча Соль, которая долго была с ней рядом.

Ни в одном сериале, который снимают в Сноуболе, нет профессиональных исполнителей, которые играли бы свою роль, следуя заранее написанному сценарию. Все они обычные люди, которые живут своей настоящей жизнью, и по телевидению показывают все их печали и радости без прикрас. Но конечно, наблюдать за судьбой человека как она есть было бы неинтересно. В том-то и заключается задача режиссера, чтобы из записей с тысяч и тысяч камер выбрать наиболее примечательные моменты и создать из этих кадров увлекательное шоу, опираясь на собственные представления о том, что может представлять интерес для зрителя.

Актер лишь проживает свои будни, а режиссер, словно бог, творит из них живую историю, и, если она получает признание зрителей, он может продолжать работу. Но есть одно условие: на протяжении шести месяцев сериал должны смотреть не менее десяти тысяч человек, в противном случае выпуск его прекращается. Режиссер, чье шоу было снято с эфира пять раз, теряет свою должность, и его отправляют в *поселение для отставных режиссеров*. Об этом поселении почти ничего не известно, кроме того, что живут в нем лишь бывшие режиссеры и находится оно за пределами Сноубола.

Режиссер и актер работают в команде, преследуя одну и ту же цель: как можно дольше оставаться в Сноуболе, – и неудивительно, что они становятся очень близки друг другу. Все это нам рассказывали в школе на занятиях по обществознанию и культуре.

– Запомни, с этого момента Чобам больше не существует, – говорит госпожа Ча Соль, пристально глядя мне в глаза.

Ее слова вызывают во мне смешанные чувства, но я понимаю, что она имеет в виду. Госпожа Ча мягко сжимает мою правую ладонь.

– Хэри.

В ее голосе словно скрыто какое-то странное волшебство. Чем чаще она называет меня этим именем, тем больше я начинаю верить в то, что Чон Чобам исчезает из моей жизни.

– Я обязательно сделаю конец твоей истории счастливым. – Ее голос полон решимости. – Ради всех нас...

Самолет приземляется на посадочную полосу у въезда в Сноубол.

Сноубол укрыт искусственным небосводом, представляющим собой огромную стеклянную полусферу. Проникнуть сквозь нее по воздуху невозможно.

Госпожа Ча Соль первой выходит из самолета и ведет меня к лимузину, уже ожидающему у трапа, и быстро сажает на заднее сиденье. Мое лицо скрывают маска из белой ткани и темные очки, которые мне велела надеть госпожа Ча Соль. Ведь мой облик мало соответствует *образу Хэри*: волосы неумело подстрижены маминой рукой, а кожа обморожена и покрыта рубцами.

Окна лимузина затемнены, однако госпожа Ча не теряет бдительности.

– Хэри, ты не могла бы пригнуться, пока мы в пути? – Ее слова раздаются из динамика, а сама она сидит за рулем. Когда она называет меня Хэри, ее голос сразу становится мягче. Еще тогда, когда она утешала меня, рыдающую на полу в самолете, прозвучали нотки заботы.

Так или иначе, я подчиняюсь ее просьбе и ложусь на сиденье.

Пока мы едем, я замечаю, что рев автомобильного двигателя стал гораздо громче и ему вторят двигатели других машин. Я не могу выглянуть наружу, но звуки, доносящиеся до моих ушей, дают мне ясно понять, что я нахожусь в Сноуболе.

Каждый раз, когда автомобиль притормаживает, я слышу какой-то звук, напоминающий писк электронного будильника. И лишь на четвертый раз я понимаю, что сигнал издает светофор, когда загорается зеленый для пешеходов. Вместе с этим писком до меня долетают обрывки чужих разговоров: актеры, идущие по переходу, говорят о том, как было бы здорово, если бы на Рождество пошел снег. Их диалог прерывают громкий лай и тявканье: «Ваф-ваф!», «Вуф-вуф!». Это встретились на переходе две собаки, а их хозяева тем временем обмениваются вежливыми приветствиями: «Надо же, как они рады друг другу!» – «Ой, какой у вашей собачки милый костюмчик! Прямо маленький Санта!» – «Вы правы! А раз он Санта, у него в кармане найдется для вас конфета!» – «О, большое спасибо!» – «Пожалуйста! Счастливого Рождества!»

Автомобиль снова трогается, и мы едем еще минут тридцать. Наконец голос госпожи Ча из динамика объявляет о том, что мы дома, и я чувствую, что мы плавно поднимаемся в лифте, вместившем в себя целый лимузин.

Ровный чистый асфальт, пешеходные переходы со светофорами, собачка в костюме Санты, люди, прогуливающиеся со своими питомцами и угощающие конфетой совершенно незнакомого человека, высотные здания с лифтом – все это помогает мне окончательно осознать, что я и вправду нахожусь в Сноуболе.

Прямо из лифта для автомобилей лимузин въезжает в личный гараж госпожи Ча Соль.

– Мы приехали. Теперь можно расслабиться.

Я выхожу из машины вслед за госпожой Ча, наконец можно снять очки и маску. Ее гараж гораздо больше нашего дома, в котором мы живем вчетвером, а стены выкрашены в абрикосовый цвет. Помимо лимузина, тут припарковано еще два автомобиля.

Госпожа Ча Соль берется за ручку двери, ведущей в квартиру, и, повернувшись, наблюдает за мной. В ответ на мой восхищенный взгляд – гараж и вправду роскошный – она мягко замечает:

– Ты постоянно будешь видеть здесь то, что показывают по телевизору. К счастью, Сноубол хорошо тебе известен.

– Вы думаете, этого достаточно?

Раньше мне казалось, что хорошо знаю Хэри. Ведь я постоянно смотрела сериал с ее участием. Но вот только и представить не могла, что однажды она покончит с собой. А раз так, значит, не то что весь Сноубол, я даже одну-единственную актрису, живущую в этом городе, толком так и не смогла узнать.

– Неужели я смогу разговаривать как Хэри? – С опозданием я вдруг понимаю, что это может оказаться куда важнее, чем наше внешнее сходство. – Я ведь о ней знаю только то, что видела по телевизору.

Заметив мою растерянность, госпожа Ча Соль говорит, глядя мне в глаза:

– Ну хватит. Возьми себя в руки.

Она улыбается, и я чувствую ее поддержку. Ее улыбка напоминает улыбку моей любимой учительницы, которая едва ли не единственная встала на мою сторону, когда в пятом классе я объявила о своем желании стать режиссером.

– Не стоит нервничать заранее. Ты ведь и сама знаешь, что в домах у режиссеров нет камер.

– Да. Я знаю.

Сделав глубокий вдох, я вхожу вслед за ней в квартиру. Первым делом мне в глаза бросается вид из окна на город с озером посередине.

– Хэри! – Чей-то знакомый голос неожиданно окликает меня, и какая-то женщина поднимается с дивана мне навстречу. – Вот она, моя девочка!

Это Ко Мэрэн, которую я знаю по сериалам. Она приветливо улыбается. У нее красивые длинные волосы с проседью, а сама она прекрасна, даже невзирая на морщины, которые время оставило на ее лице. Это бабушка Хэри. Видя ее по телевизору, я каждый раз удивлялась, насколько она красива, но теперь замечаю, что в ее взгляде сквозит надменность.

Когда ей было девятнадцать, беременная первым ребенком, она сама пришла в Сноубол. С тех пор вот уже тридцать девять лет она живет жизнью актрисы. За это время у нее родилось четверо детей и даже появилась внучка. Ее семья – единственная в Сноуболе, где целых три поколения актеров живут под одной крышей.

– Бедняжка, ты проделала такой долгий путь!

На ней голубой свитер, по сравнению с которым моя одежда скорее похожа на ветошь, которой протирают окна автомобилей. Но, несмотря на мой жалкий вид, она крепко меня обнимает.

– Что это у тебя с лицом? – Она с тревогой разглядывает мою кожу.

– Да так, отморозила немножко.

В нашем мире это обычное дело, но Ко Мэрэн в ужасе отшатывается, закрыв рот руками.

– Отморозила! Такое милое личико!

И хотя я каждый день видела Ко Мэрэн по телевизору, сейчас, стоя перед ней, я чувствую смущение, пока она гладит меня по щекам, словно я и вправду ее внучка, ненадолго отлучавшаяся из дома.

Я нервно смеюсь, а госпожа Ча удовлетворенно улыбается:

– Ничего удивительного, что бабушка за тебя волнуется.

– Вы знаете, я хотела бы кое-что прояснить...

Ко Мэрэн мягко сжимает мое плечо.

– Давай не будем говорить о том, что случилось позавчера, – произносит она, давая понять, что ей известно о смерти Хэри. – Твои дяди и тети ни о чем не знают. Нам очень повезло, что в тот день дома были только я и твоя мать, – заканчивает она со вздохом облегчения.

В доме Хэри, помимо бабушки и мамы, живут еще две ее тети и дядя. При этом дядя Хэри младше ее всего на два месяца. Люди в нашем поселении, и особенно моя мама, не прочь посулудить, а Ко Мэрэн – одна из их излюбленных тем. Поговаривали, что Ко Мэрэн специ-

ально забеременела одновременно с собственной дочерью, чтобы привлечь к себе еще больше внимания.

– Хэри, ты ведь знаешь, как дяди и тети тебя любят. Так что ни в коем случае не смей им ничего говорить. Поняла?

Голос ее ласков, но я не могу заставить себя кивнуть в ответ. Я не уверена, что способна исполнить такую просьбу. Ведь речь идет не о простых зрителях и не о других актерах, а о родной семье Хэри. Я не представляю, как можно обмануть людей, живущих с ней под одной крышей и связанных кровными узами.

– Бабуля. – Произнести это слово оказывается на удивление легко, ведь свою бабушку я называю так каждый день.

– Что, детка? – Ко Мэрён выглядит очень довольной, видимо решив, что я хорошо вживаюсь в роль.

– Бабуля, я думаю, лучше все рассказать хотя бы самым близким родственникам. Ведь невозможно обманывать родных людей...

Я успеваю увидеть, как Ко Мэрён замахивается, еще мгновение – и она отвешивает мне звонкую пощечину. Из глаз сыплются искры, и обмороженную кожу словно жжет каленым железом.

– А ну-ка, прекрати сейчас же! – кричит она на меня.

Ее вопль вгоняет меня в ступор. Ошалев, я молча моргаю. В чем я виновата? Что я не так сказала?

Госпожа Ча Соль загораживает меня собой, желая заступиться.

– Вы что творите?!

– Госпожа Ча, ты что, сама не видишь? Еще не начали, а она уже распустила нюни! Какой толк от этой размазни?

Голос Ко Мэрён звучит резко, но госпожа Ча Соль и сама не лыком шита.

– Что ж теперь, ее бить за это? Вы что, окончательно рехнулись?

– А что тут такого? Свою внучку воспитываю как считаю нужным.

От нахлынувшего негодования мое сердце вдруг принимается скакать как сумасшедшее. Какая я тебе внучка? Да если бы я и вправду была Хэри, какое же это воспитание?! Меня начинает трясти. Я хочу грубо ее оттолкнуть, но что, если она опять на меня замахнется? Я ведь не могу ударить ее в ответ, раз теперь она моя бабушка.

– Ах, так это воспитание?! – Госпожа Ча одаривает Ко Мэрён надменной улыбкой и, приблизившись к ней вплотную, цедит сквозь зубы: – Если не хотите, чтобы вас вышвырнули из Сноубола, прекратите вести себя как свихнувшаяся старуха. У меня нет ни малейшего желания снимать сюжет про выжившую из ума старую ведьму.

– Госпожа Ча. – С презрительной усмешкой Ко Мэрён готовится дать отпор. – Тебе повезло, ты так высоко поднялась стараниями дедушки, я же здесь оказалась благодаря своему таланту и вот уже сорок лет держусь за это место.

В ее голосе чувствуется уверенность, что таким, как госпожа Ча, с ней не сладить. Ведь даже если та выгонит ее из своего сериала, любой режиссер тут же пригласит ее к себе на проект.

– И правда, – произносит госпожа Ча Соль с усмешкой, – стараниями моего дедушки вам и удалось дожить до сегодняшнего дня.

Во взгляде госпожи Ча, сверлящем Ко Мэрён, чувствуется угроза. Ведь Ко Мэрён стала актрисой благодаря тому, что когда-то на кинопробах ее заметил режиссер Ча Квибан – дедушка госпожи Ча Соль. Точно так же, как семья Ко Мэрён стала единственным семейством потомственных актеров, представленных тремя поколениями, госпожа Ча Соль – представительница третьего поколения единственной в Сноуболе семьи потомственных режиссеров. Она

– внучка одного из талантливейших режиссеров Ча Квибана, снявшего сериал о похождениях Чо Мирю и удостоенного за это Высочайшего Ордена Почета.

Я все еще стою за спиной госпожи Ча Соль, и Ко Мэрён хватается меня за руку.

– Ладно, довольно хвастаться, как вам благодаря моей внучке удалось наступить на пятки собственному деду. – Притянув меня к себе, она начинает нежно оглаживать мои пылающие щеки. – Прости, дорогая, бабуля тебя шлепнула сгоряча.

Эта неожиданная перемена в ее поведении заставляет все мое тело напрячься: видно, я слишком расстроилась из-за всего, что тут случилось.

Ее рука мягко хлопает меня по спине. Отстранившись, я решительно смотрю ей в глаза:

– Вы и с Хэри себя так вели – то ударите, то пожалеете?

Ее рука на моей спине на мгновение замирает. Я чувствую, что она едва сдерживается, чтобы снова меня не ударить. Но вместо этого, наклонив голову вбок, она смотрит на меня с широкой улыбкой.

– Конечно! Если хочешь остаться в Сноуболе, нужно уметь проявлять характер. – Улыбка становится многозначительной. – Не смей себя так вести, когда *нас кто-либо видит*. Ведь всем известно, что мы с тобой очень близкие друзья.

Я знаю, что до того, как Хэри выбрали ведущей прогноза погоды, она мечтала заниматься бизнесом по продаже одежды и хотела унаследовать бабушкин магазин деловых костюмов. Это все, что мне известно об их отношениях. По крайней мере, все, что я могла узнать из сериала.

Напомнив себе о цели своего приезда, я произношу чуть слышно:

– Я все поняла. Извините.

– Чего это ты вздумала с бабушкой на «вы» разговаривать?

Ничего не ответив, я бессильно киваю, а Ко Мэрён хватается меня за руку:

– Ну что ж, раз так, давайте скорее начнем готовиться!

Как новая ведущая прогноза погоды, Хэри приглашена сегодня на рождественскую вечеринку, которую устраивает «Ли Бон Медиа Групп».

«Ли Бон Медиа Групп»

В гостевой ванной, которую показала мне Ча Соль, я со всех сторон внимательно осматриваю лейку душа: оказывается, в Сноуболе на нее не устанавливают таймер. У нас дома горячая вода идет только после того, как бросишь в специальное отверстие монетку, а здесь она льется без ограничений. Тем не менее, опасаясь по привычке, как бы вода не закончилась, я моюсь очень быстро. Но, выключив воду, понимаю, что хочу побыть здесь еще, поэтому снова включаю душ и еще долго, закрыв глаза, наслаждаюсь горячими струями воды. Я впервые в своей жизни принимаю душ спокойно и не торопясь, и он чудесным образом бодрит меня, без следа смывая усталость бессонной ночи.

В шкафчике, стоящем в ванной, чего только нет. Я достаю из него полотенце, такое мягкое и теплое, и некоторое время стою, уткнувшись в него лицом, чувствуя, как в теле исчезает напряжение.

Надеваю белье и шелковый халат, который дала мне госпожа Ча, и выхожу в гардеробную. У всех, кто живет в Сноуболе, есть гардеробная комната, где они хранят свою одежду и украшения. В зависимости от профессии или степени известности актера размеры таких комнат могут немного различаться. Само собой, в домах за пределами Сноубола тоже есть отдельное место для хранения одежды. Мы его называем чуланом. Правда, в нашем мире никому не придет в голову провести туда отопление, так что чулан скорее смахивает на погреб.

Гардеробная комната госпожи Ча огромная, она больше не только всего нашего дома, но и гаража, который я видела накануне. Войдя, я замечаю Ко Санхи – маму Хэри, сидящую поодаль у туалетного столика. В отличие от Ко Мэрён, она не пытается изобразить на лице радость от встречи со мной. Еще в самолете я узнала, что это Ко Санхи первой обнаружила тело своей дочери. Она смотрит на меня с напряжением, словно перед ней призрак. Я вижу лицо этой женщины, и у меня не хватает духу так запросто назвать ее мамой. Смущаясь и запинаясь, я бормочу:

– З-з-з... Здравствуйте.

Ко Мэрён, в этот момент входящая в комнату, шутливо грозит мне:

– Хэри, если кто увидит, решит, что ты нам чужая. Кто так с мамой здоровается?

Она ставит на край столика с разложенной на нем всевозможной косметикой поднос с сэндвичами и апельсиновым соком.

– Ой, простите! – лепечу я.

Мягко надавив на мое плечо, Ко Мэрён заставляет меня сесть в кресло у зеркала и многозначительно глядит в глаза моему отражению:

– Ты сказала *простите*?

– Ой, то есть прости! Я буду следить за собой.

В зеркале отражается ее довольная улыбка.

– Так-то, моя девочка.

По-прежнему молча Ко Санхи берет какое-то средство и начинает наносить его мне на лицо. Средство прозрачное и довольно вязкое, но я не знаю, как оно называется.

В это время Ко Мэрён подносит к моему рту сэндвич.

– Хэри, малышка, ты ведь, поди, проголодалась? На вот, поешь.

Она почти тычет сэндвичем мне в губы, так что мне поневоле приходится открыть рот. Как только еда касается языка, рот тут же переполняется жидкой слюной. Слюна брызжет во все стороны, и я быстро зажмуриваюсь. Заметив это, Ко Мэрён счастливо смеется:

– И правда, разве найдешь что-то вкусней бабушкиных бутербродов с лососем.

Лосось, который я пробую впервые в жизни, свежие овощи и мягкий хлеб имеют удивительный вкус. Пока Ко Санхи продолжает понемногу наносить на мое лицо различные сред-

ства, отличающиеся друг от друга цветом и консистенцией, я увлеченно поглощаю бутерброд. Если подумать, у меня со вчерашнего вечера даже маковой росинки не было во рту, если не считать пары глотков шампанского.

– Будь поаккуратней там в особняке у Ли Бона. – Ко Сонхи впервые решает заговорить со мной.

– Что?

– Как сядешь за стол, не обгрызи тарелки.

Сердце мое переполняет жгучий стыд. Лицо тут же заливается краской, и от этого я еще больше смущаюсь.

– Не волнуйся, Хэри. – Госпожа Ча Соль вновь приходит на подмогу, но от этого мне не легче. – Зрителям нравится смотреть на тех, кто ест с аппетитом, утром обязательно позавтракай перед камерой с таким же удовольствием.

Но что бы она ни говорила, больше всего мне сейчас хочется избавиться от запаха лосося, оставшегося во рту после бутерброда.

– Потрясающе! – восклицает госпожа Ча, аплодируя Ко Санхи. Я стою у зеркала в полный рост, и госпожа Ча любит мое отражение. – Вам и правда нет равных среди визажистов Сноубола.

На мне парик, представляющий собой копну длинных волнистых волос, и в нем меня и вправду не отличить от Ко Хэри. Плотный макияж скрывает не только метки, оставленные морозом, но и все неровности и пятна на коже, а губы влажно блестят, словно я только что выпила глоток воды. Просто невероятно!

– Ну что, госпожа Ча, я все еще похожа на сумасшедшую старуху?

В ответ на шутку Ко Мэрён госпожа Ча звонко смеется:

– Никто не спорит, госпожа Ко, вы швея от бога.

На мне желтое платье, сшитое руками Ко Мэрён, и я разглядываю свое отражение в зеркале, а по обе стороны от меня стоят две женщины, и в их глазах читается глубокое удовлетворение. Я впервые в жизни надеваю пышное платье без рукавов. Подол густо обшит перьями. Чтобы платье гармонировало с оттенком кожи, Ко Санхи наносит макияж мне на шею, плечи и даже на руки и тыльную сторону ладони, и при каждом прикосновении пальцы ее резко дергаются.

– А эти туфельки я еще месяц назад заказала. – Ко Мэрён ставит на пол передо мной пару стеклянных туфель.

Конечно же, это не настоящее стекло, туфли сделаны из того же прозрачного материала, что и сапоги госпожи Ча, в которых она была при нашей первой встрече. Мне непривычно надевать обувь прямо на босу ногу. Ко Санхи предложила пока обойтись без педикюра, раз ног все равно не будет видно под длинным платьем. Тон, которым она это произносит, выдает ее нежелание прикасаться ко мне. Для нее я всего лишь незнакомка, которая заняла место ее умершей дочери. Я понимаю, что она чувствует, и ее отношение ко мне кажется мне вполне естественным. Чего не скажешь о ее матери: она не скрывает гордости за внучку, ставшую новой ведущей прогноза погоды и приглашенную в особняк Ли Бона, и хочет сама надеть новые туфли мне на ноги.

– Слава богу, подошли!

Удивительным образом туфли, сделанные для Хэри, оказались мне точно по размеру. Я успеваю подумать о том, что эти туфли так и не встретились со своей настоящей хозяйкой, но уже в следующий миг они оказываются спрятанными под пышным подолом.

Сжав мою руку, госпожа Ча Соль пристально смотрит мне в глаза:

– Вот теперь все начинается, Хэри. С этого момента ты должна собраться.

Задача не из легких, учитывая, что я целую ночь провела без сна. Тем не менее мои чувства обострены до предела – должно быть, сказывается постоянное напряжение.

– Будет нетрудно, туда придут только новые актеры.

Нам очень повезло, что как Хэри я впервые появлюсь именно на этой вечеринке в особняке Ли Бонхве. Рождественский праздник устраивают в честь новых актеров, которые совсем недавно прошли кастинг и лишь на днях переехали в Сноубол. Так что, помимо Хэри, новой ведущей прогноза погоды, старых актеров там не ждут. Несомненно, выдавать себя за Хэри гораздо легче в присутствии людей, которые ни разу вживую ее не видели. К тому же в особняке Ли Бонхве совсем нет камер. В штате корпорации работают их собственные операторы. Они будут вести съемку, но в новостях смогут появиться только те кадры, которые разрешит опубликовать руководство компании.

Всем известно, что никто из клана Ли Бон не принимает непосредственного участия в съемках сериалов. Силами корпорации «Ли Бон Медиа Групп» некогда были созданы все системы обеспечения Сноубола, и теперь члены этого семейства управляют городом, следя за порядком и оказывая помощь актерам и режиссерам. Их роль в Сноуболе чрезвычайно важна, и потому они освобождены от необходимости производить электроэнергию либо выставлять на всеобщее обозрение подробности своей личной жизни.

– Просто води себя подобающе во время обеда, – говорит мне Ча Соль, и в глазах ее я читаю немой вопрос, не забыла ли я правила этикета. Все то время, пока меня красили и наряжали, она стояла рядом и подробно рассказывала, как нужно вести себя в высшем обществе. Я понятия не имела, что во время еды приборы следует брать, начиная с самых дальних, и с каждым новым блюдом постепенно приближаться к тарелке, но труднее всего оказалось запомнить, как к кому следует обращаться.

– Госпожу президента и госпожу вице-президента называй в соответствии с их должностями. Если захочешь обратиться к внукам, то всех их, включая самого старшего, Ли Бонхве, называй «Его Величество», а к внучкам и остальным членам семьи можно обращаться просто «госпожа» или «господин».

О семье Ли Бон часто говорят в новостях, но диктор каждый раз называет Ли Бонхве просто наследником корпорации. С каких это пор он стал «Величеством»? Ну и прозвище! Звучит так же нелепо, как «милашка Бонхве» – так называли его Юджин и остальные девчонки в школе.

– Я когда телевизор смотрю, то лучше все запоминаю. А вот так с ходу все выучить у меня не очень-то получается...

Мой неуверенный голос вызывает на лице Ча Соль довольную улыбку:

– Ах, ну прямо наша Хэри – ни дать ни взять. Ничего страшного, если вдруг что-то перепутаешь. Ты ведь еще довольно молода, к тому же волнуешься из-за своего назначения на роль ведущей прогноза погоды, это же такая ответственность! Главное, если ты вдруг ошибешься, делай вид, что перенервничала, и мило улыбайся.

Мило улыбаться?! И как же мне это сделать? Я, конечно же, миллион раз видела очаровательную улыбку Ко Хэри. Но на моем-то лице мышцы работают иначе.

Госпожа Ча мягко кладет руку мне на плечо и произносит тоном Ко Мэрён:

– Как попадешь туда, можешь есть и пить сколько влезет, хоть все тарелки обгрызи. – И, наклонившись к моему уху, продолжает шепотом: – Главное, поверь, что ты и есть настоящая Ко Хэри.

Я киваю и, глядя в зеркало, ловлю на себе пристальный взгляд Ко Санхи. Лицо ее как-то странно напряжено, и я улавливаю в ее глазах зависть, смешанную с отвращением.

Я в зеркале

Лимузин, который прислали за мной из медиакорпорации, привез меня в сад, разбитый напротив главного входа в особняк семьи Ли Бон.

Вот это да! В реальности сад оказывается просто огромным – гораздо больше, чем кажется, когда его показывают по телевизору. Сейчас декабрь – это самый холодный месяц даже в Сноуболе, но в саду повсюду установлены фонтаны, из которых в небо бьют струи воды. Чтобы вода, не замерзая, текла под открытым небом – для меня это сродни чуду.

– Проходите сюда, прошу вас!

Смотритель, дежурящий у входа в особняк, указывает дорогу, и я направляюсь к двери, украшенной роскошными барельефами и позолотой. Мне предстоит преодолеть огромное количество ступенек.

Впервые в жизни на мне туфли на высоком каблуке, в которых получается еле переставлять ноги. Посреди лестницы я, вдруг оступившись, подворачиваю лодыжку и почти падаю, но тут кто-то подхватывает меня сзади:

– Вы в порядке?

Моей спасительницей оказывается не кто иной, как Син Юджин. Вот черт! Моя землячка и хорошая подруга, она знает меня как облувленную. Если другие актеры еще могут принять меня за Хэри, то Юджин, конечно, сразу поймет, кто я такая.

– Благодарю вас. – Мягко отстранив ее руку, я с трудом поднимаюсь на ноги.

Юджин – начинающая актриса, но мне даже в голову не пришло, что я могу случайно столкнуться с ней на сегодняшнем приеме.

В ответ моя подруга радостно улыбается:

– Вы ведь Хэри, верно?

– А-а-а... Да, вы правы.

Одарив ее фальшивой улыбкой, я продолжаю свой нелегкий путь по лестнице, полностью сосредоточившись на ступеньках, но Юджин, по натуре приветливая и общительная, не оставляет попытки заговорить со мной:

– От всей души поздравляю с избранием на роль ведущей прогноза погоды!

На моей подруге зеленое платье, поверх которого она накинула желтое манти. В этом наряде она выглядит цветущей и счастливой. Мне очень приятно ее видеть, но, помня о судьбе, постигшей Купера Рафалли, я не хочу сближаться с ней, пока мы в Сноуболе. Юджин не должна ни о чем подозревать, нельзя, чтобы она узнала правду.

– Так мы можем опоздать, лучше поторопиться. – С любезной улыбкой я даю ей понять, что не собираюсь продолжать разговор.

– Мы же ровесницы, давай лучше на «ты», – дружелюбно предлагает Юджин.

Что ж, я решаю все-таки перекинуться с ней парой фраз. Ведь Хэри всегда настроена дружелюбно даже к тем, кого видит впервые.

– Видела мою рекламу по телевизору?

– Конечно, я и сериал весь посмотрела, – произносит Юджин, но тут же, вскрикнув, прикрывает рот рукой. – Разумеется, я не собираюсь ничего говорить о самом сериале, ведь это будет нарушением *Закона о нераспространении спойлеров*.

В том, что Хэри узнавали на улице и радовались встрече, не было ничего удивительного. Если уж кому посчастливилось стать ведущим прогноза погоды, это автоматически гарантировало ему популярность не только во внешнем мире, но и среди жителей Сноубола. Совсем другое дело – сообщить актрисе вроде Хэри о том, что вы в курсе ее решения сесть на диету, или же заметили, что кошелек, который она потеряла на прошлой неделе, валяется под кроватью.

Ну, а если рассказать актеру, о том, что видел по телевизору, как он совершил убийство, или же сообщить актрисе об измене мужа, это неизбежно окажет влияние на происходящие, и, поступая таким образом, собеседник неминуемо вмешивается в ход событий.

Поэтому в Сноуболе и приняли этот закон: актеры не могут напрямую говорить о содержании сериалов, которые они смотрели за пределами Сноубола.

Приподняв подол своего длинного платья и аккуратно ступая по лестнице, я замечаю, косясь на Юджин:

– А у тебя неплохо получается ходить на каблуках.

– Я целых два месяца тренировалась, – отвечает Юджин с радостной улыбкой.

Приехав в Сноубол, новые актеры в течение двух месяцев живут отдельно от остальных и обучаются различным вещам, необходимым для жизни в городе. Это нужно для того, чтобы они избавились от привычек, привитых во внешнем мире, а также забыли сюжеты виденных сериалов. Но я и не подозревала, что в эти два месяца их учат носить обувь на высоком каблуке.

– Слушай. – Юджин решает поменять тему разговора. – Между прочим, у меня есть лучшая подруга, и вы с ней похожи как две капли воды.

– Неужели! – бросаю я со смущенной улыбкой, ощущая, как на лбу выступает испарина, словно капельки воды на запотевших стенках душевой. Не зная, чего ждать дальше, я осторожно поглядываю на Юджин. – Вряд ли у твоей подруги такая же чистая кожа, как у меня.

– Нет, конечно! Снаружи ведь лютый холод. – Глядя на меня с озорной улыбкой, она добавляет: – Но все-таки вы с ней очень похожи. Даже когда она злится из-за моих глупых шуток, у нее на лице такое же выражение, как у тебя сейчас.

Юджин веселится вовсю, и я жалею, что раньше не всегда относилась к ней дружелюбно.

– Я ей всегда говорила: «Если вдруг попадешь в Сноубол, ни в коем случае не встречайся с Ко Хэри». Ты ведь знаешь, что, если двойники встретятся, кто-то из них умрет?

– Правда? – Еще бы не знать, ты мне этим все уши прожужжала!

– Ну да! Тот, кто увидит своего двойника, либо сойдет с ума, либо умрет. А еще говорят, что у каждого человека в мире есть два двойника.

Двое привратников, наблюдавших, как мы поднимаемся по лестнице, распахивают перед нами двухстворчатые двери, и нашему взору предстает потолок, украшенный великолепными картинами в золоченых рамах. От такой роскоши у нас обеих захватывает дух.

Под гербом с изысканным логотипом «Ли Бон Медиа Групп» нас встречает женщина. Почтительно склонив голову, она обращается ко мне:

– Мы ждали вас, мисс Хэри.

Судя по фракку и белой бабочке, она занимает здесь должность дворецкого. На нагрудном бейдже указано ее имя: Хан Хвиён.

Люди, которые здесь работают, – тоже актеры. Вот только никаких камер в особняке семьи Ли Бон нет, поэтому для кого-то служба здесь покажется преимуществом, позволяющим отдохнуть от постоянной публичности, а кто-то, наоборот, посчитает такие условия невыгодными.

– Прошу вас следовать за мной. – Хан Хвиён протягивает руку в сторону, почтительно указывая на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Еще увидимся! – С веселой улыбкой Юджин вслед за другим дворецким направляется в банкетный зал на первом этаже.

Я пытаюсь представить себе, как становлюсь режиссером и снимаю сериал с Юджин в главной роли, – об этом я мечтаю еще с тех пор, как мы с ней, сидя на уроках в пятом классе, рисовали рожицы в тетрадах или же, приходя друг к другу в гости, вместе пили какао и листали «Телегид».

Ты должна стать режиссером. Я ведь обещала, что помогу тебе, если ты поможешь мне.

Если мой дебют в роли Ко Хэри будет успешным, наша давняя мечта сможет осуществиться уже совсем скоро.

Хан Хвиён легонько стучит в дверь, затем нажимает позолоченную кнопку, похожую на кнопку дверного звонка, и произносит:

– Госпожа президент, новая ведущая прогноза погоды мисс Ко Хэри прибыла.

Несколько мгновений Хан Хвиён дожидается, пока ей кто-нибудь ответит, но вместо этого дверь распахивается и нас встречает Ли Бонхве.

– Прошу вас, – мягко произносит наследник медиаимперии «Ли Бон».

Хан Хвиён поспешно склоняет голову. Я не знаю, нужно ли мне тоже опустить голову в знак уважения, но потом решаю, что не хочу слишком рассыпаться в любезностях перед мальчиком, который старше меня всего на год. Прикинув, стоит ли мне сейчас назвать его Величеством, решаю обойтись без обращений.

– Рада знакомству.

– Знакомству? – Прищулив один глаз, Ли Бонхве пристально смотрит на меня.

Вот черт! Мне бесконечно неловко из-за того, что я не знаю, как держать себя и что говорить, и на секунду я теряюсь. Конечно же, Хэри не раз встречала Ли Бонхве на различных мероприятиях, которые проводит корпорация «Ли Бон», ведь Ко Мэрён, бабушка Хэри, – личная портниха госпожи президента.

– О, я имею в виду, что рада новому знакомству со мной в качестве ведущей прогноза погоды.

Я собираюсь все же назвать его разок Величеством, чтобы хоть как-то исправить свое положение, но слова застревают у меня в горле. Вместо этого я изо всех сил растягиваю губы в улыбке и пытаюсь симитировать озорной взгляд Хэри, умоляя мышцы на своем лице сработать как надо.

Тень сомнения, которая легла было на лицо Ли Бонхве, исчезает. С равнодушным видом он кивает в сторону двери:

– Что ж, прошу вас.

В жизни Ли Бонхве еще более угрюмый тип, чем выглядит по телевизору. Он не пытается улыбнуться даже ради приличия. Тем не менее зрители любят его ничуть не меньше, чем Хэри. Сегодня на нем светлый костюм пепельного цвета, а на груди – бутон красной розы, символ Рождества. Но роза неспособна затмить величие своего обладателя: правильные и четкие черты лица, излучающая здоровое сияние шелковистая кожа, которой ни разу в жизни не доводилось испытывать на себе дыхание морозного воздуха внешнего мира, густые черные волосы и темные бездонные глаза. У тех, на кого он смотрит, лоб и спина сразу покрываются испариной.

– Благодарю.

Ли Бонхве провожает меня в чайную комнату. Хан Хвиён успела объяснить мне, что здесь я смогу насладиться чаем и сладостями в непринужденной обстановке. Оглядевшись, я прикидываю, что, если снять в этой комнате всю золотую отделку, получилось бы штук десять статуй лося в натуральную величину. Едва подумав об этом, я замечаю висящий на стене охотничий трофей – рогатую лосиную голову.

– Давно не виделись, мисс Хэри.

Под рогатой головой восседает президент «Ли Бон Медиа Групп» госпожа Ли Бонён. Вероятно, красивое лицо Ли Бонхве – всего лишь результат наследственности. Но если Ли Бонхве больше похож на прекрасную розу, то госпожа Ли Бонён скорее напоминает элегантную лилию. На самом деле госпожа президент – ровесница моей бабушки, но едва ли в нашей

деревне удастся найти женщину того же возраста с такой же нежной кожей, как у нее. Глядя на ухоженные лица двух этих представителей семейства Ли, трудно представить себе мир, где средняя температура зимой составляет сорок один градус ниже нуля. Во внешнем мире, где зима продолжается как минимум четыре месяца, а летом температура не поднимается выше минус пятнадцати, даже у маленьких детей кожа сухая и огрубевшая.

Мне становится любопытно, как проводят свои дни те, кто не работает по десять часов в сутки на электростанции, производя электричество, и никогда не выходит за пределы купола, наслаждаясь жизнью в тепле и изобилии. Прогнав от себя эти мысли, я вежливо складываю руки на животе и слегка наклоняю голову в знак уважения.

– Рада вас видеть, госпожа президент!

На секунду я воображаю, как, став лучшим режиссером Сноубола, получаю Высочайший Орден Почета из рук госпожи Ли Бонён. От этой мысли у меня так поднимается настроение, будто орден и вправду лежит у меня на ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.